

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

16 июня 1986 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум обсудил вопросы:

о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и задачах партийных организаций, связанных с его реализацией;

об итогах совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, состоявшегося в Будапеште 10—11 июня 1986 года.

С докладом по этим вопросам на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

В прениях по докладу на Пленуме приняли участие:

тт. В. И. Воротников — Председатель Совета Министров РСФСР, В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, Б. Н. Ельцин — первый секретарь Московского горкома КПСС, В. М. Малыхин — бригадир электриков Волжского автомобильного завода имени 50-летия СССР, В. Г. Колесников — министр электронной промышленности, Ю. Ф. Соловьев — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, С. В. Колпаков — министр черной металлургии СССР, Н. Н. Слюньков — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, Ю. Н. Трофимов — первый секретарь Актюбинского обкома Компартии Казахстана, В. С. Мураховский — председатель Государственного агропромышленного комитета СССР, Н. С. Ермаков — первый секретарь Кемеровского обкома КПСС, В. Н. Голубева — директор Ивановской ткацкой фабрики имени С. М. Кирова, Б. К. Пуго — первый секретарь ЦК Компартии Латвии, В. И. Калашников — первый секретарь Волгоградского обкома КПСС, Г. И. Усманов — первый секретарь Татарского обкома КПСС, М. С. Шкабардня — министр приборостроения, средств автоматизации и систем управления, Д. И. Патиашвили — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, Б. В. Бальмонт — министр станкостроительной и инструментальной промышленности.

Пленум одобрил проект Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и изложенные в докладе товарища Горбачева М. С. положения и выводы Политбюро ЦК КПСС, направленные на реализацию экономической стратегии партии, разработанной XXVII съездом КПСС. Признано целесообразным внести пятилетний план на рассмотрение Верховного Совета СССР.

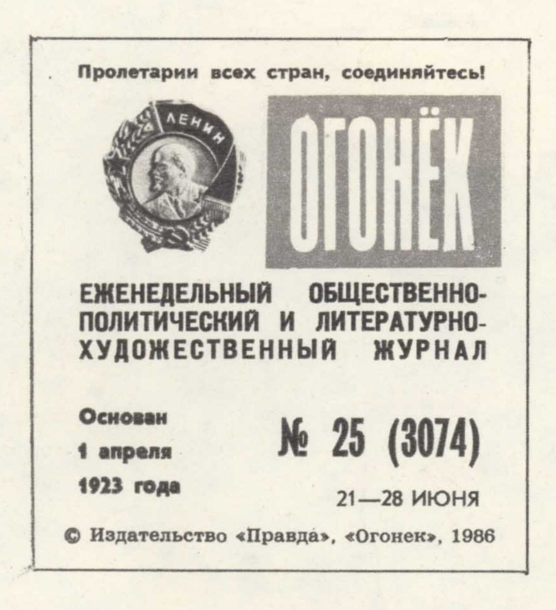
Участники Пленума единодушно приняли обращение ЦК КПСС к трудящимся Советского Союза о развертывании всенародного социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение планов двенадцатой пятилетки.

Пленум высоко оценил итоги состоявшегося в Будапеште совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора и полностью одобрил деятельность советской делегации на этом совещании.

Постановления, принятые Пленумом по указанным вопросам, публикуются в печати.

На Пленуме рассмотрены и одобрены предложения Политбюро ЦК КПСС по организационным вопросам, связанным с проведением пятой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил работу.

Москва, Кремль. 18 июня 1986 года. Пятая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Глава советской делегации Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подписывает «Обращение государств — участников Варшавского Договора к государствам — членам НАТО, всем европейским странам с программой сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе».

Телефото Ю. Лизунова, А. Чумичева (ТАСС)

ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОТЫ СОВЕЩАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТАТИВНОГО КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВ—УЧАСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

11 июня в Будапеште завершило работу совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. На заключительном заседании, проходившем под председательством Генерального секретаря Румынской коммунистической партии, Президента Социалистической Республики Румынии Н. Чаушеску, состоялось подписание «Обращения государств — участников Варшавского Договора к государствам — членам НАТО, всем европейским странам с программой сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе».

Документ подписали главы делегаций: за Народную Республику Болгарию — Т. Живков; за Венгерскую Народную Республику — Я. Кадар; за Германскую Демократическую Республику — Э. Хонеккер; за Польскую Народную Республику — В. Ярузельский; за Социалистическую Республику Румынию — Н. Чаушеску; за Союз Советских Социалистических Республик — М. С. Горбачев; за Чехословацкую Социалистическую Республику — Г. Гусак.

Было принято также коммюнике совещания.

Совещание прошло в обстановке дружбы и товарищеского сотрудничества. Оно продемонстрировало единство взглядов государств — участников Варшавского Договора по обсуждавшимся проблемам европейской и мировой политики.

БЕСЕДА М. С. ГОРБАЧЕВА С П. ШИВ ШАНКАРОМ

14 июня М. С. Горбачев встретился с министром иностранных дел и торговли Индии П. Шив Шанкаром, который вручил послание от премьер-министра Индии Раджива Ганди.

В теплой, дружественной беседе было высказано обоюдное удовлетворение высоким уровнем, многогранностью и международной значимостью традиционных отношений доверия, дружбы и сотрудничества между СССР и Индией, руководство которых намерено и впредь всемерно содействовать расширению и углублению именно таких отношений.

В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе.

На снимке: во время беседы.

Фото Ю. Лизунова и А. Чумичева (ТАСС)

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Владимир НИКОЛАЕВ

Из Будапешта на всю планету разнесся призыв: «Мир вступил в такую фазу своего развития, когда уходить от решения коренных вопросов современности — значит ставить на карту судьбу всей цивилизации». Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора обратило особое внимание на опасную ситуацию в Европе, где сегодня концентрация боевых частей и военной техники в двадцать раз выше, чем в среднем по планете. Да, колыбель современной цивилизации превращается в арсенал ядерного оружия и в ракетный полигон.

Участники совещания в Будапеште выразили серьезную озабоченность действиями США и НАТО, которые отказываются встать на путь обуздания гонки вооружений, предотвращения ее распространения на космос, прекращения ядерных испытаний. Продолжается размещение в Европе американских ракет, усиливается империалистическая политика силы, грубого вмешательства во внутренние дела других государств. Вот что высказывает по этому поводу газета «Нью-Йорк таймс»: «Оружие становится основой основ все более широкого круга проблем. Дипломатия выражается преимущественно в искусстве передачи оружия. Отношения с европейскими союзниками вращаются вокруг развертывания американских ракет».

Такова политика ядерного шантажа. Но есть и другая политика! Перед совещанием в Будапеште Советский Союз и социалистические страны выступили с целой серией миролюбивых инициатив, имеющих огромное значение и несущих в себе надежду на выход из ядерного тупика. Такова, например, советская программа ядерного и химического разоружения до конца нынешнего столетия. В третий раз советское руководство продлило свой односторонний мораторий на ядерные испытания. С новой силой прозвучали наши конкретные мирные предложения на состоявшемся 16 июня Пленуме ЦК КПСС.

Как известно, незадолго до будапештского совещания состоялась сессия совета НАТО. В ходе подготовки к ней Вашингтону, несмотря на многочисленные сомнения и опасения европейских партнеров, удалось пристегнуть их к программе «звездных войн» и навязать им химическое бинарное оружие. А на самой сессии американская делегация заявила о намерении нынешней администрации США отказаться от соблюдения Договора ОСВ-2 и не придерживаться в дальнейшем ограничений по нему. В этой связи американский журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» пишет, что Рейган редко оказывался в такой полной изоляции в важном вопросе внешней политики. После его решения отказаться от соблюдения Договора ОСВ-2, продолжает журнал, союзники и значительная часть членов конгресса отвернулись от президента.

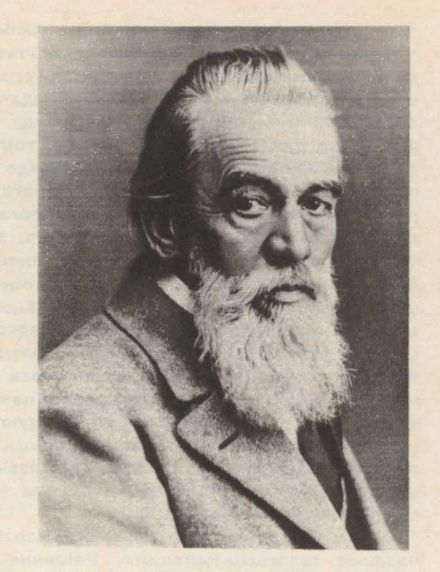
Еще в 1953 году немецкий писатель Томас Манн писал: «...Мне стыдно за малодушную и безоглядную зависимость Европы от Америки, столь же странную и противоречивую, как все еще наблюдаемое в Америке сочетание глубокого преклонения перед историческим достоинством нашего континента, испытаниями, выпавшими на его долю, со склонностью рассматривать Европу в качестве экономической колонии, военного базиса, плацдарма в предстоящем ядерном «крестовом походе» против России; хотя Европа и является древней, интересной для путешественника частью света, перед полным ее разрушением не остановятся, если речь пойдет о борьбе за мировое господство... Безусловное включение Западной Европы в американскую систему обороны я не считаю делом мудрым, полезным для сохранения мира, отвечающим действительным задачам этой части планеты».

Написано как будто сегодня! Потому что такая политика США в отношении Европы имеет давнюю историю, движущая сила этой политики — антисоветизм. 22 ноября 1917 года газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Союзники изолируют Россию, чтобы покончить с большевистским правлением». Замысел этот, как известно, вылился в вооруженную интервенцию против молодой Советской республики... Много лет спустя, на другой день после нападения фашистских полчищ на Советский Союз, в американской газете выражалась надежда на то, что «Европа объединится против распространения азиатского коммунизма». Сегодня так кощунствовать и так зарываться в своих агрессивных устремлениях опаснее, чем вчера. Потому что планета наша, а Европа в особенности, начинена смертоносным ядерным оружием.

Участники Варшавского Договора обратились к европейским государствам, США и Канаде с конкретными предложениями, которые направлены на достижение разрядки во всем мире и на снижение уровня военной опасности в Европе. Государства — участники Варшавского Договора заявили, что они никогда, ни при каких обстоятельствах не начнут военных действий против любого государства — будь то в Европе или в другом районе мира, если сами не станут объектом агрессии. «Широкомасштабная программа, выдвинутая государствами Варшавского Договора,— пишет английская газета «Дейли мейл»,— ошеломила наблюдателей НАТО». Председатель СДПГ — ведущей оппозиционной партии ФРГ Вилли Брандт заявил, что страны Запада должны очень тщательно «изучить новые далеко идущие предложения государств — участников Варшавского Договора» и «вступить с ними в серьезные переговоры по этому вопросу». Иного пути нет. Это веление времени.

Нет, не бомбы, а разум должен править на нашей планете. «Звездный мир», а не «звездные войны» должен ознаменовать приход третьего тысячелетия.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВСТРЕТИМСЯ НА УЛИЦЕ БЛАГОЕВА

16 июня исполнилось 130 лет со дня рождения Димитра Благоева — основателя революционной марксистской партии Болгарии.

Революционная деятельность Благоева началась в Петербурге, куда он приехал учиться. Здесь в 1883—1885 годах им была создана одна из первых в России социал-демократических групп — «Партия русских социал-демократов».

Эта маленькая тихая улочка на Петроградской стороне, неподалеку от Петропавловской крепости, знакома многим болгарам. По традиции каждую осень в День посвящения в студенты болгарские юноши и девушки, которые приезжают учиться в Ленинград, приносят здесь торжественную клятву Родине у памятника замечательному ее сыну Димитру Благоеву.

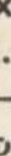
Ненастным сентябрьским днем 1880 года, сойдя с московского поезда, впервые ступил на петербургскую землю молодой болгарин. «Я нанял себе мизерную темную комнату,— вспоминал впоследствии Благоев,— единственное окно которой смотрело в другую комнату, и очень бедствовал».

Репетиторство, переписка бумаг давали весьма скудный доход, и ему приходилось искать пристанище подешевле. Он часто менял квартиры. Позже это было вызвано необходимостью уйти от назойливого внимания полиции.

Первый известный петербургский адрес Благоева — дом № 5 по Слоновьей улице (ныне Суворовский проспект). Здесь в квартире № 11 он жил с начала лета 1881 года. Сдав тогда экзамены во Второй петербургской гимназии, Димитр получил свидетельство о среднем образовании и стал студентом физико-математического факультета университета.

Благоев изучает историю русского революционного движения, читает нелегальные народнические журналы и газеты, активно участвует в спорах, беседах, происходивших в землячествах, студенческих группах.

«Изучение «Капитала»,— отмечает он,— помогло мне понять происхождение и рост рабо-

чего движения, тайные пружины капиталистического производства, значение рабочего класса в нем, его положение, сущность его борьбы, его организацию и историческую задачу — экспроприацию экспроприаторов». Вывод, который он сделал для себя, заключается в том, что задача революционера состоит прежде всего в пропаганде социализма среди пролетариата, в развитии его классового сознания, организации для борьбы против эксплуататоров. Этому он посвятил свою жизнь. С особым волнением подходил я к дому № 40 по улице Радищева (бывшая Преображенская, 46). Есть серьезные основания предполагать, что именно здесь в конце 1883 года собрались у Благоева разделявшие его убеждения студенты и родилась «Партия русских социал-демократов». Пока немногочисленная, она развернула впечатляющую по масштабам работу, организовав в рабочих районах около пятнадцати кружков, кассы взаимопомощи, библиотеки, наладив печатание на гектографе листовок, воззваний.

Одним из важнейших дел новой партии стало издание газеты «Рабочий». Решение об этом было принято в маленьком деревянном (к сожалению, не сохранившемся) домике на Ропшинской улице, 21, где жил Благоев с весны 1884 года и где постоянно действовал своего рода подпольный центр петербургских социал-демократов. Первый номер вышел в конце января 1885 года и произвел впечатление разорвавшейся бомбы. В условиях жесточайшего террора, преследований за каждое правдивое слово само издание было актом высочайшего мужества. Газета, статьи Благоева «Чего недостает рабочему классу?», «Чего добиваться рабочему народу?» вызвали ярость у властей.

Значение этого события впоследствии подчеркнул В. И. Ленин: «За 12 лет, с 1883 по 1895 г., едва ли не единственной попыткой создать с.-д. рабочую печать в России было издание в Петербурге в 1885 году с.-д. газеты «Рабочий», конечно, без цензуры, но этой газеты вышло только 2 номера. Отсутствие массового рабочего движения не давало возможности широко развиться рабочей печати».

По распоряжению министра внутренних дел Благоев был выслан из России с воспрещением впредь возвращаться в пределы империи.

Всего пять лет провел он в Петербурге, но они оказались чрезвычайно важными для его гражданского, политического становления. Здесь Благоев овладел опытом революционной борьбы, пришел к марксизму, избрав для себя идеалы, служению которым посвятил всю жизнь.

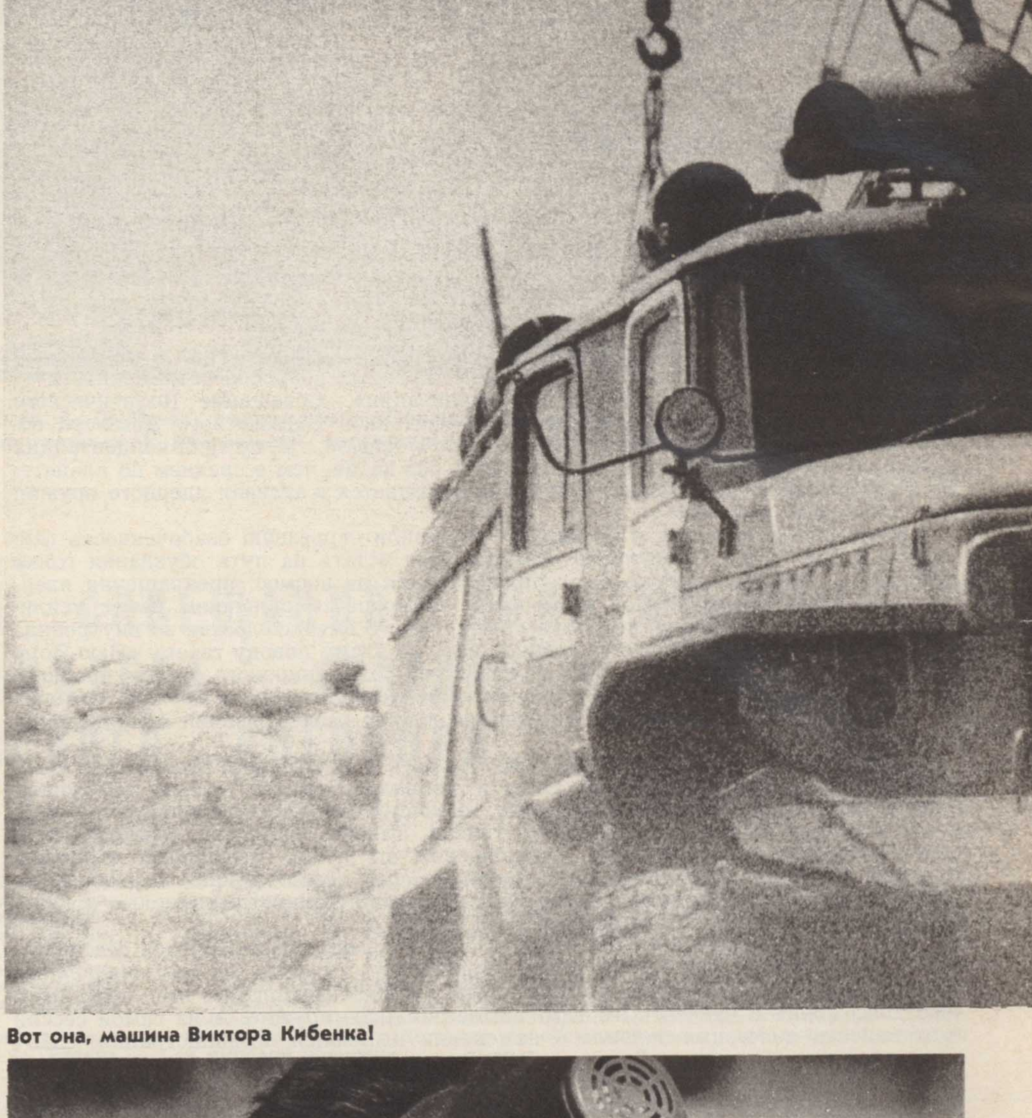
Благодарная память о человеке, олицетворяющем собой живую связь болгарского и русского революционного движения, живет в сердцах ленинградцев. Еще в 1922 году, отмечая пятую годовщину революции, трудящиеся города избрали Димитра Благоева почетным членом Петроградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В 1957 году на доме 12 по улице Олега Кошевого появилась мемориальная доска: «В этом доме в начале 1885 года жил Димитр Благоев, организатор одной из первых групп русских социал-демократов, впоследствии основатель Болгарской коммунистической партии». Через несколько лет имя Благоева получила улица, начинающаяся возле этого дома, а в 25-ю годовщину свержения монархо-фашистского режима и победы в Болгарии социалистической революции здесь был открыт памятник славному сыну болгарского народа.

Возле памятника я встретился с болгарскими студентами, которые учатся в Ленинградском институте точной механики и оптики. Вместе со своим преподавателем заведующим кафедрой истории И. Захаровым они пришли в расположенную по соседству школу-интернат № 34.

Здесь училась погибшая в Псковской области пионерка-партизанка Нина Куковерова, имя которой носят в НРБ 25 отрядов и две комсомольские бригады. Материалы о Димитре Благоеве и отважной пионерке собраны в школьном музее. Встретились славное революционное прошлое Болгарии и сегодняшний день ее молодого поколения. Встретились в Ленинграде, на улице Димитра Благоева.

О. ПЕТРИЧЕНКО

Ленинград.

Вот она, машина Виктора Кибенка!

Капитан внутренней службы В. И. Придатко.

ЧЕРНОБЫ
ЧЕРНО

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото автора
и И. ГАВРИЛОВА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

«ЕСЛИ НЕ МЫ, ТО КТО ЖЕ...»

— Приказа не будет,— потирая то место, где еще вчера были брови, сказал капитан В. И. Придатко.— Нужны добровольцы. Стоп! Не спешите делать шаг вперед,— предупредительно поднял он руку, когда строй качнулся.— Дело предстоит серьезное. Риск немалый.

— Здесь он везде немалый,— заметил лейтенант О. С. Григораш.

— Верно, лейтенант. Да и профессия у нас такая — рисковать: все с пожара, а мы на пожар. Короче говоря, дело такое: я нашел машину Виктора Кибенка.

Строй дрогнул и напрягся.

— Да, ребята, я нашел боевую машину Кибенка. Мы каждый день называем на поверках имена наших товарищей, которые шагнули в огонь двадцать шестого апреля. Они шагнули не только в огонь, они шагнули в бессмертие! Их уже нет. Но они с нами. Всегда!

Капитан закашлялся и потер горло. Голос заметно сел и осип. Это характерно для всех, кто работает в Чернобыле.

— В общем, боевую машину надо вытащить. Это дело нашей чести, чести пожарных! Когда-нибудь машину Кибенка поднимут на пьедестал, как поднимали танки, пушки и «катюши».

Строй загудел.

— Правильно, командир! Нам скоро уезжать, а другие машину могут не найти.

— Все пойдем.

— А сколько там рентген?

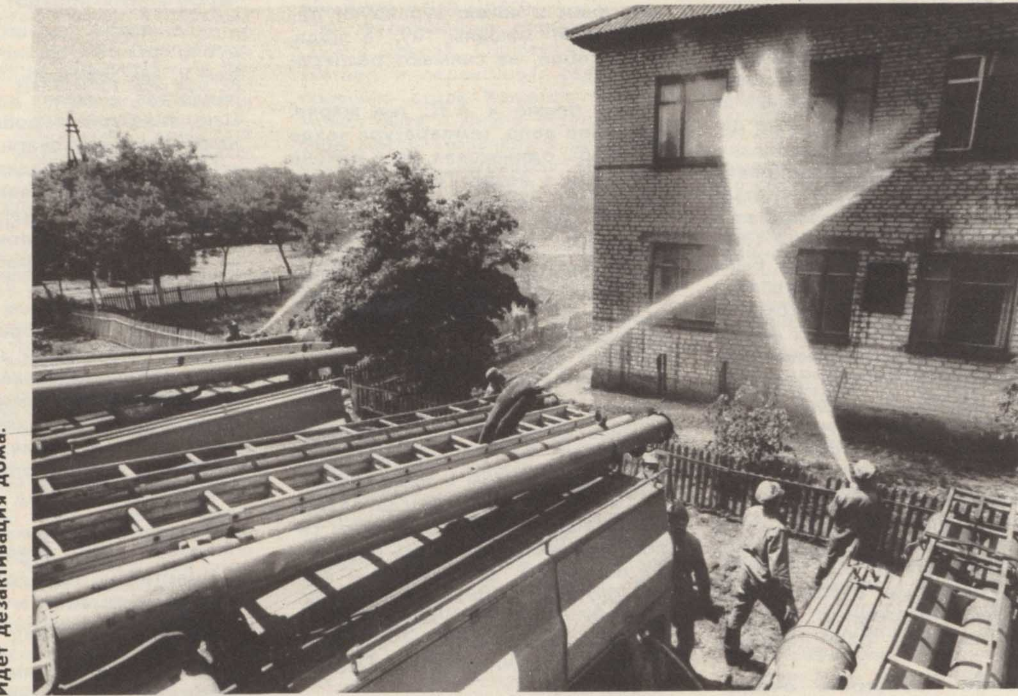
— То-то и оно, что много. «Урал» стоит почти у самого реактора, к тому же увяз в песке, а передние колеса заклинило между рельсами.

— Значит, кто-то должен сесть за руль и вывернуть колеса?— уточнил Григораш.

— Да.

Наступила пауза.

— Я тут кое-что прикинул,— продолжал капитан.— Работать надо группами по три-четыре человека. Находиться в зоне не более минуты. Отработала одна группа,

Идет дезактивация дома.

...ЛЬ БОРЕТСЯ, ...БЫЛЬ ПОБЕДИТ!

ее сменяет вторая, потом третья и так далее. А за минуту можно сделать много. Облучение будет в пределах нормы. Короче говоря, тренироваться надо в чистой зоне, тренироваться до тех пор, пока все операции не доведем до автоматизма. Подумайте... Приказа нам никто не давал, а работы предостаточно и без машины, так что это дело чисто добровольное.

Первым прочистил горло Олег Григораш:

— Начальником караула прошу назначить меня.

— Нет, меня!

— Тихо, хлопцы! Начкаром буду я! Кибенок был моим другом. Мы вместе учились. Наши койки стояли в одном кубрике, моя через две от койки Виктора. И в футбол играли в одной команде!

Капитан смотрел на высокого чернобрового лейтенанта и прикидывал: брать или не брать?

— Женат?— неожиданно спросил он.

— Да.

— Дети есть?

— Дочь,— расплылся в улыбке Олег.— Уже месяц. Правда, имя еще не придумал. Уезжал, когда ей была неделя. Всего раз и видел. Но это ничего не значит,— нахмурился лейтенант, поняв, почему этим интересуется командир.

— Ладно, беру,— подумав, сказал капитан.

И тут у него снова перехватило горло, но как-то иначе, не по-чернобыльски: он вспомнил своего пятилетнего Вальку. До чего же шустрый парнишка. Да и дело пожарное любит, в отца пошел и в деда: так и норовит удрать с отцом на дежурство и посидеть за рулем краснобокой машины. Лейтенанта надо бы оставить, но и не брать нельзя: всю жизнь будет казниться. А как смотреть в глаза подчиненных?! Чернобыль честно и беспощадно расставил людей по местам, здесь храбрый становится еще храбрее, а велеречивый трус проявляется мгновенно. Увы, но в их отряде нашелся один такой.

С каким презрением смотрели на него бойцы, возвращаясь от реактора! Здесь дело ясное, с ним придется расстаться. Но как быть с теми, кому ехать не стоит, кого надо поберечь для другой рабо-

Перекресток.

ты? Дело в том, что медики скрупулезно следят за тем, кто сколько получил рентген, и, как только цифра приближается к допустимой дозе, человека без разговоров отправляют за пределы тридцатикилометровой зоны. У многих до этой отметки осталось совсем немного, а работы невпроворот...

Когда отряд добровольцев был сформирован, начались тренировки. Загнали один «Урал» в песок, набросали балок, нарыли ям. Водитель и трое бойцов садятся в бронетранспортер. Полный газ, и «бетеэр» несется к «Уралу». Остановка. Бойцы выскакивают наружу. Один разматывает трос, другой набрасывает его на крюк бампера, третий прыгает в кабину. Взревел мотор «бетеэра», и машина вылезает из песка, но... на это ушло десять минут. Много. Недопустимо много.

Два дня тренировались экипажи, пока не научились укладываться в одну минуту.

— Всем отдыхать. Завтра утром едем за машиной, —буднично сказал капитан.

А вечером принесли листовки. Одну из них я сохранил. Семь строф стихов, простых, бесхитростных. Но какие точные там есть слова:

«Начкар перед строем сказал
тяжело:
«Хоть риск и смертелен, но
все же...—
Запнулся, как будто бы горло
свело.—
Если не мы, то кто же?»

Если не мы, то кто же... Эти слова могут стать эпиграфом ко всему, что делают советские люди в районе Чернобыльской АЭС. Здесь нет бумажной волокиты, нет бесконечных согласований, нет оглядки на начальство, здесь люди умеют брать на себя, здесь без раздумий подставят плечо, помогут, вынесут из опасной зоны, отдадут свой респиратор, но при одном-единственном условии: если ты рядом, если не прячешься за спины, если занят делом, а не деятельным ничегонеделанием.

За восемь дней командировки я побывал на АЭС, под четвертым блоком, над ним, несколько часов ходил по пустынным улицам Припяти, и эта листовка всегда была со мной. Если не мы, то кто же... Здорово сказано, по-мужски! И вообще мне кажется, в тех местах сейчас собрался цвет мужского населения страны. Я еще расскажу об этих людях, я назову их поименно, так как уверен, что они заслуживают того, чтобы о них знала вся страна.

На часах десять, а еще светло. Не спится. Встаю и сотый раз за день иду попить. Воды здесь пьют много. Даже шутят, что, если собрать все пустые бутылки, ими можно завалить реактор. И вдруг ко мне подходит один парень и говорит:

— Хотите посмотреть очевидное — невероятное?

— Эта передача вроде бы днем.

— Какая там передача!— поморщился он.— Это не по ящику, а по жизни.

Я кивнул. Он позвал за собой. Идти пришлось недалеко. Прямо за дорогой аккуратная деревенька. Население эвакуировано, скот вывезен, а куры, гуси и утки остались. Аисты, кстати, тоже. Они уже вывели птенцов и живут себе, как ни в чем не бывало.

Как известно, домашняя птица, где бы ни бродила днем, вечером возвращается в свой сарай или курятник. Так вот, у этих, если так можно выразиться, стад появились весьма своеобразные пастухи. В жизни не догадаетесь, кто! Я тоже не сразу поверил, хотя видел это метров с двадцати. Не буду томить: в каждом дворе живет... лиса. Она ревниво оберегает свое стадо, не подпускает к нему товарок, завтракает, обедает и ужинает расчетливо, экономно, не уничтожая птиц сверх меры и аппетита. Собак в селах нет, их или вывезли, или отстреляли, так как, сбиваясь в стаи, они стали опасны, вот лисы и чувствуют себя полновластными хозяйками.

Только легли, только заснули — тревога! Грохот сапог, рев двигателей, звон колокола — несколько минут, и все позади. Машины несутся в сторону АЭС. Неужели снова, неужели что-то горит? Нет, машины свернули на проселок. Оказывается, загорелся лес. Огонь мог отрезать дорогу, а если перепрыгнет через бетонку, под угрозой окажутся прилегающие к Чернобылю поселки.

Едкий дым, треск падающих деревьев, стук топоров, визг пил, клацанье лопат... Через три часа очаг окружили мертвой зоной пустоты. Дорогу отстояли. А на рассвете подъехали другие расчеты и задавили огонь.

— Отдыхать,— сказал командир, когда вернулись в расположение.— К реактору поедем завтра.

Рано утром бронетранспортер и две машины с запасными экипажами двинулись в путь. Он, кстати, очень короток. Самое страшное не излучение, а пыль, несущая заряд радиоактивности, поэтому с ней борются всеми способами. Дороги заасфальтированы до самого среза, то есть обочины нет, днем и ночью курсируют поливальные машины, ну, а люди, само собой, не снимают респираторы.

Чем ближе к АЭС, тем жарче. Странное дело, температура везде вроде бы одинаковая, но в районе АЭС, как в печке. Потом-то я понял, в чем дело: и кажущаяся жара, и обильный пот, и вздутые желваки — все это у тех, кто едет сюда впервые. Потом привыкаешь, по себе знаю. Главное — первый выход из люка, первое прикосновение к зараженной земле, первый шаг к реактору. Один опытный человек сказал: «Если видишь лужу, обойдешь. А тут не видишь ни одной и в то же время знаешь, что все время ходишь по лужам». В этом я тоже убедился, когда вернулся после одного из посещений АЭС: на правом сапоге дозиметр показывал одну дозу облучения, а на левом — совсем другую, в пять раз большую. Видимо, попал в ту самую «лужу», иначе говоря, на что-то наступил. Увидеть это что-то, почувствовать невозможно.

«Уралы» остановились в районе третьего блока.

— Дальше пойдет «бетеэр»,— сказал В. И. Придатко.— В нем безопаснее. Работаем ровно минуту — и назад. Включаю секундомер.

Бросок вперед. Люк настежь. Прыжок на землю. Рывок к машине Кибенка. Трос — на буксирный крюк.

— Все назад! — глухо, через респиратор, говорит командир.

— В запасе десять секунд. Я успею открыть дверцу,— просит Григораш.

— Действуй.

Рывок! Не открывается. Еще рывок. Бесполезно.

— Заклинило?

— Да.

— Давай помогу,— подбежал кто-то.

— Пять секунд!

Рывок. Рывок. Скрежет. Звон.

— Порядок! Открыл.

— К «бетеэру»! Бегом!

Когда командир нажал кнопку, оказалось, что работали шестьдесят три секунды.

— Заметил, как вывернуты колеса?

— Да. Может, попробуем волоком, не трогая руля? В кабине черт-те сколько рентген.

— Не получится. Машина очень тяжелая. Спокойно, Олег, за минуту ничего не случится. Все зависит от времени пребывания в зоне.

Ни со второй, ни с третьей попытки вытащить машину не удалось, так глубоко она увязла. К тому же мешали рельсы, да и руль никак не вывернуть в нужную сторону. Но вот в кабину прыгнул сержант Олефир.

— Попробуй враскачку!— крикнул он водителю «бетеэра».— Вперед-назад, вперед-назад...

Предельные обороты на пониженной передаче, мотор звенит от натуги. Ура! Машина качнулась. Сержант поймал момент и вывернул руль. «Бетеэр» напрягся. Только бы не лопнул трос. И вот машина пошла, пошла, пошла...

Ее поставили под чудом уцелевшим деревом. Из самой опасной зоны боевую машину Виктора Кибенка вытащили, но она сама пока является источником радиации, поэтому красный «Урал» с надписью на дверце «Припять» некоторое время побудет на отстое.

— А потом мы его дезактивируем, отмоем, отчистим, отскоблим и, как задумали, поднимем на пьедестал,— сказал капитан.— Думаю, это будет хороший памятник нашим павшим товарищам.

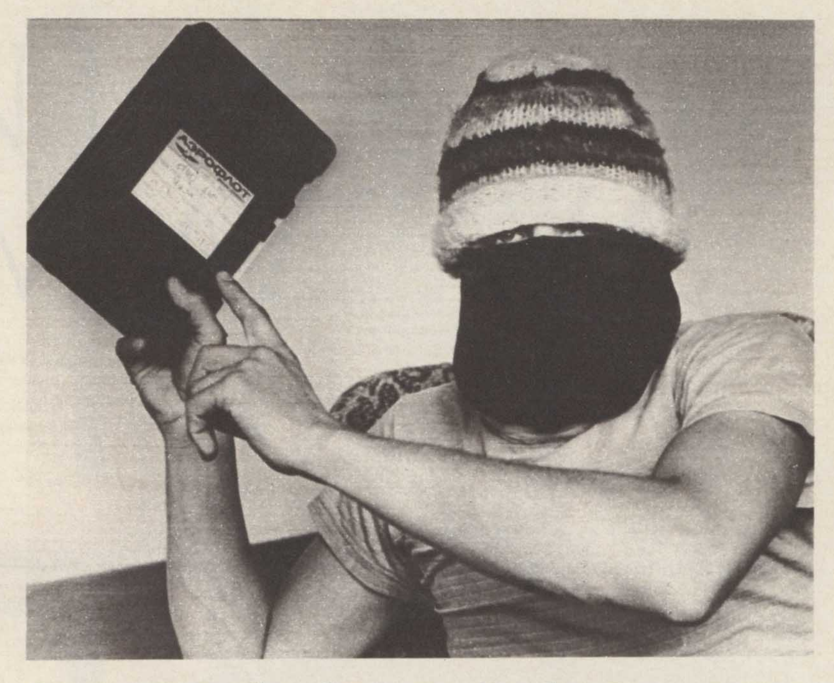
Обожженное радиацией дерево. Опаленная боевая машина. И десять бойцов пожарной охраны с обнаженными головами. Пилотки снять можно, респираторы — ни в коем случае. Потом кто-то достал из кармана листовку и прикрепил к лобовому стеклу «Урала». «Кто, если не мы?» Эти слова видны издалека. Они слышны здесь всюду, даже если и не написаны. Но как хочется, чтобы на всю страну прозвучала заключительная строфа этого стихотворения:

«Перед рассветом
развеялся дым
Смертельно тяжелого боя.
Давайте встанем и помолчим,
О подвиге этом помня».

Давайте помолчим и навсегда запомним, как помним Александра Матросова или Николая Гастелло, имена героев-пожарных, которые шагнули в огонь, зная, что это за огонь, что это их последний бой, что крыша четвертого блока — их Сталинград, Курская дуга, Волоколамское шоссе. Вечная память вам, **ВЛАДИМИР ПРАВИК, ВИКТОР КИБЕНОК, ВЛАДИМИР ТИШУРА, ВАСИЛИЙ ИГНАТЕНКО, НИКОЛАЙ ТЫТЕНОК, НИКОЛАЙ ВАЩУК!** Вечная память и безмерная благодарность живых!

Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»,
фото автора

ИХ БОЛЬШИНСТВО!

Оператор фильма «Нас — большинство» Хуан Хосе Перес с видеокассетой, доставленной Аэрофлотом для показа в Ташкенте на IX Международном кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Мне завязывают глаза красной косынкой и долго везут по ночному Ташкенту. Поначалу я пытаюсь фиксировать количество светофоров, на которые натыкается наша машина: первый, четвертый, седьмой. Потом сбиваюсь со счета и, откинувшись на сиденье, начинаю вспоминать вчерашнюю телепередачу...

Казалось бы, исчерпана вечерняя программа узбекского телевидения, но диктор не спешит с пожеланием спокойной ночи. Неожиданно студия наполняется людьми, и на экране появляются двое мужчин в красных масках и плотных вязаных шапочках, надвинутых до бровей. Они сидят за столом так, что невозможно определить их телосложение. Движения их рук ограничены, а голоса изменены электроникой до неузнаваемости. Ведущий программы представляет обоих участников телезрителям и тут же с нескрываемой горечью пытается пошутить: «Хуан, Диего, зрители могут подумать, что маскарадные атрибуты присущи каждому чилийцу. Может быть, объясните, в чем дело?»

Легкий смешок одного из участников выдает нервное напряжение. И все же он находит в себе силы шуткой ответить на шутку.

— Только не подумайте, что нам холодно в Ташкенте и мы натянули эти шапочки, боясь простудиться. Таковы условия конспирации. Вынужденной конспирации.

Да, за фотографии обоих пиночетовская охранка не пожалела бы никаких денег. И это неудивительно. Кинооператор Хуан Хосе Перес и режиссер Диего Гарсиа под носом у хунты сняли фильм, который не оставляет равнодушным ни одного человека. «Нас — большинство» — так называется эта уникальная лента, за каждым кадром которой стояла смертельная опасность для ее создателей.

Передача длится около часа, в студии, раскаленной софитами, стоит нестерпимая духота, но чилийские кинематографисты терпеливо отвечают на вопросы, рассказывают об условиях съемки, делятся ближайшими планами. Потом, когда экран погаснет, их первыми увезут в прохладу ночи.

...Скоростной лифт бесшумно взмывает на один из этажей гостиницы. Длинный проход по пустынному коридору, один поворот, еще один и, наконец, условный стук в дверь. Томительное ожидание, двойной поворот ключа в замочной скважине и... С меня снимают повязку. Окна номера задрапированы темными шторами. В самом углу на прикроватной тумбочке — ночник. Лица людей расплывчаты и неясны, как на негативе. Переводчик представляет меня хозяевам номера. Мы обмениваемся рукопожатиями. «Хуан Хосе Перес»,— называет себя один из них. «Диего Гарсиа»,— представляется второй. Оба плечистые, одного роста, в белоснежных футболках, они бесшумно передвигаются по комнате, и я временами начинаю путать, кто из них Хуан, а кто Диего.

К журнальному столу придвигаются кресла. Одного кресла не хватает, и переводчик садится на краешек стола. Кажется, Хуан, а может быть, и Диего, уступает ему свое место. Поначалу в разговоре чувствуется некоторая настороженность. Я первый журналист, который увидел их лица без масок. Первый, с кем они говорят в открытую, не таясь, не прячась. Командировочное удостоверение «Огонька» открыло мне двери в этот номер, познакомило с людьми, за которыми сегодня охотятся сотни, тысячи полицейских Пиночета.

...Узенькие, самобытные улицы Вальпараисо, кажется, еще не видели такого скопления до зубов вооруженной полиции. Массивные дубинки, пуленепробиваемые жилеты, щиты, гранатометы, бронетранспортеры. И все это нацелено на женщин. Беззащитных, безоружных. Женщин, которые 30 октября 1985 года вышли на улицы города в знак протеста против расправы фашистской хунты над патриотами Чили. Старые и больные, плохо одетые, с изможденными лицами, они движутся по улице, и с каждой минутой их становится все больше и больше. И полицейских становится больше. Вот один из них не спеша вставляет запал в гранату со слезоточивым газом, другой так же неторопливо отстегивает дубинку и спускает предохранитель пистолета. Лица угрюмые. Глаза налиты ненавистью и злобой к тем, кто хочет иначе мыслить и жить, кто осмелился бороться с режимом.

Камера оператора, который находится рядом со взводом полицейских, фиксирует силы зла с такой убедительностью и достоверностью, что сердце начинает усиленно биться в гневе и боли за тех, на кого сейчас обрушится этот бронированный полицейский кулак.

А женщины все идут и идут по улице, молодые и старые, с детьми на руках и в обнимку с теми, кому трудно самостоятельно двигаться. И тогда полицейский отдает команду: «Вперед!»

Рвутся гранаты со слезоточивым газом, ревут сирены полицейских машин, и, как угрюмые циклопы, на площадь выползают водометы. Тугая струя сбивает наземь первые ряды, но за ними тут же вырастают следующие. Вода в кровь разбивает лица женщинам, но они вновь и вновь поднимаются и снова идут вперед. Мечется по площади водомет, гулко бухают, разрываясь в гуще толпы, гранаты со слезоточивым газом, и толпа начинает рассеиваться. И кажется, что финал фильма безнадежен: зло торжествует над добром. Но... Две одинокие фигурки женщин, вцепившись в столб, бесстрашно ждут приближающийся к ним бронированный водомет. Циклоп медленно разворачивается в их сторону, струя ударяет в непокорных. На миг брызги скрывают женщин, а когда оседает водяная пыль, мы вновь видим их на том же месте. И вот струя воды уже потеряла свою всесокрушающую силу. Люди выдержали, не сдались.

— Человек многое может вынести ради правого дела,— говорит Хуан Хосе Перес.— Это-то мы и хотели показать в своем фильме, тем самым вселив в людей веру в собственные силы. Ведь если женщины способны на такие героические поступки, то как следует вести себя мужчинам?

Хуан Хосе Перес (читатели, конечно же, понимают, что имя это вымышленное, как и имя Диего Гарсиа), снимая фильм «Нас — большинство», не раз рисковал собственной жизнью ради наиболее выразительного кадра.

— Однажды, — рассказывает он,— мы пробрались в самую горячую точку и только приготовились снимать, как из-за угла вырвался армейский «джип», набитый солдатами. Не сбавляя скорости, машина помчалась прямо на нас. Мне удалось отбросить своего ассистента на тротуар, а затем включить камеру и повернуться лицом к машине. Секунду, еще одну идет съемка, а значит, чтобы со мной ни произошло, люди узнают: Хуан Хосе Перес не отступил перед натиском врага, не побежал. Я уже понимал, что машина не сможет затормозить. Она уже целиком вошла в поле видоискателя, целиком, как говорят операторы, перекрыла кадр, но... В последний момент водитель резким движением баранки бросил «джип» в сторону и умчался прочь.

— В тот раз в Вальпараисо мы сняли пленки на шесть часов показа,— говорит Диего,— а отобрали и смонтировали всего на пятнадцать минут. Фильм снят видеокамерой. Во-первых, так удобнее обрабатывать материал, во-вторых, легче его распространять внутри страны. Сегодня во многих домах есть видеомагнитофоны, и, по самым скромным подсчетам, картину только в Чили посмотрели сотни тысяч человек. Плюс миллионы зрителей за рубежом.

— Что было самым трудным в работе?— спрашиваю Хуана.

— Находиться вблизи от полицейских извергов и не запустить в них чем-нибудь тяжелым,— с усмешкой отвечает он.

Фильм «Нас — большинство» прошел по многим экранам мира. Он был показан на фестивалях в Гаване и Брюсселе, в Оберхаузене и Монпелье. И у кинематографистов прогрессивных сил Чили множилось число друзей и единомышленников, множилось число тех, кто готов сражаться за правду, рискуя собственной жизнью.

Рассвет мы встретили за беседой, так и не заметив, как пролетело время. С окон откинули занавески, и я увидел глаза этих людей. Увидел и понял, что победа будет за ними. И не только потому, что мужеству и решительности их нет предела, а потому, что их большинство.

ТРИ КАРТИНЫ ЭДУАРДА МАНЕ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Никогда не оставаться на одном уровне, не повторять завтра того, что сделано сегодня, постоянно искать новый аспект, заставить звучать новую ноту. О, эта косность, все эти мастера, застывшие на одной формуле, которая приносит им ренту. Какое дело до всего этого подлинному искусству?..»

Э. Мане

Во вполне респектабельном доме парижского судьи Огюста Мане было не совсем спокойно. Хотя казалось, ничего не произошло. Так же мерно тикали часы. Дни следовали за днями неспешно, неторопливо.

Старый дом. Высокие сводчатые потолки с бордюрами. Деревянные панели стен с овальными панно. За плотно зашторенными гардинами урчал огромный город. Мерцали свечи в гостиной, отражаясь в черной спине фортепиано. В столовой на прохладной камчатной фландрской скатерти тускло поблескивало серебро и неяркий фаянс.

Эдуард Мане — один из трех сыновей господина Огюста Мане. Мальчик чтил отца и горячо любил мать. Деликатный и сдержанный, он постоянно находился в своем, неведомом мире. Он мечтал. Хотел быть художником. Но на пути стали фамильные традиции. Поэтому иногда тягостным становилось молчание Эдуарда во время семейных встреч.

Непокорный юнец не желал продолжать отцовскую карьеру. Профессия юриста его не устраивала. Иной путь избрал вольнолюбивый Эдуард... Мало кто знал его недюжинный характер. А он был весьма своеобычен. Ученик коллежа Роллен, Эдуард тщательно изучал «Салоны» Дени Дидро. Зачитывался книгами об искусстве, монографиями о жизни и творчестве великих художников... и втихомолку рисовал. Размышлял и философствовал. Остро. Не по годам.

Однажды, не сойдясь во мнении с Дидро, юный Эдуард произнес своему верному другу Антонену Прусту (будущему министру культуры Франции) следующую фразу: «Вот это уже глупо — надо жить своим временем и изображать то, что видишь перед собой».

Антонен Пруст едва ли предполагал, что эта оброненная мысль станет кредо всей грядущей славной жизни художника Эдуарда Мане.

Казалось, что «жить своим временем» — аксиома...

Как же может быть иначе?

Однако в истории искусства Франции XIX века нашлось немало живописцев, которые ухитрялись лишь проживать в своей эпохе, будто в купе мягкого вагона. Не замечая или не желая замечать ничего, кроме собственной персоны и, конечно, своих дел и делишек. Они стяжали житейские блага и вовсе запамятовали о высоком призвании художника и гражданина...

Самое парадоксальное, что эти предприниматели больше и громче всех разглагольствовали о святых целях живописца-патриота. О своей невероятной приверженности к традициям культуры прошлого и о любви к современности.

Но эти дельцы, «пассажиры» в своем времени, вольно или невольно повторяли роковую ошибку героя «Шагреневой кожи» Оноре де Бальзака.

Эксплуатируя эпоху, в которой они жили, и истощая отпущенный им судьбою скромный дар (или чаще ремесло), они оставляли после себя... пустоту. Ибо никакие шикарные, огромные, золоторамные махины корифеев буржуазного Салона, всех этих кабаналей, жеромов и кутюров не способны были подменить холодным блеском своих холстов живой огонь страстного и искреннего искусства Давида, Энгра, Жерико, Делакруа, Курбе, Мане...

Три картины — три новеллы Эдуарда Мане. Весной этого года они были показаны в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина на выставке картин французских художников — импрессионистов и постимпрессионистов из коллекции вашингтонской Национальной галереи искусств.

«Мертвый тореро». 1863—1864 годы.

Пустынный мрак царит в картине. Глухая тишина. Безлюдно. На земле одиноко светится желтое лицо погибшего тореадора. Белеет рука. Она еще судорожно сжимает розоватую, почти пепельную мулету. Тряпка уже не нужна. Жестокий театр, цена которому жизнь, окончен. Блистает празднично строгий наряд тореро, павшего героя корриды. Тем траурней черно-белый колорит его костюма.

Нет толпы. Нет грохота корриды. Не слышно безумного рева быка. Рубеж бытия пройден.

Грандиозной, вселенской, монументальной смотрится эта небольшая поверженная фигура. Человек будто дремлет. Только еле заметное пятно крови у левого плеча говорит: его не разбудишь.

Это реквием.

Вдруг по невероятной ассоциации перед глазами предстал «Эзоп» Диего Веласкеса. Великий философ, знавший цену жизни и смерти.

Трагизм молчания. Высокий эпический строй решения темы бытия. Невероятная скупость деталей. Отбор сближает эти полотна.

«Мертвый тореро», как и «Эзоп»,— пример художественного раскрытия личности человеческой. Значительной в радости, беде, жизни и смерти.

Все, все в холсте предельно сжато, выразительно.

Поистине античная краткость в шедевре Мане. Живописец проявил в решении этого полотна классически строгое, выверенное сердцем чувство экспрессии. Ужаса без аффектации. Без фальцета. Художник сумел вычеркнуть все лишнее. Посему в холсте звучит одно: Человек.

Напомним, что картина была начата в 1863 году...

Колдовской, необъяснимый 1863 год.

Ведь именно в эту пору Мане подарил миру еще два шедевра, вошедшие в историю культуры,— «Завтрак на траве» и «Олимпию».

Как же смог мастер суметь в такой сжатый срок создать столь новаторские произведения?

Ответ есть.

Год 1862-й. Мане пишет «Лолу из Валенсии», «Уличную певицу», «Музыку в Тюильри», «Портрет Викторины Меран в костюме эспады» и ряд других превосходных холстов. Так на гребне духовного подъема он подготовил взлет 1863 года.

Об интенсивности творчества, о самоотдаче, о новаторском поиске следует вспомнить нам сегодня, прежде чем оправдывать некоторый творческий застой в искусстве последних лет... Вспомним слова Чайковского, что он находит вдохновение не в его ожидании, а в работе.

Естественно, что художники, подобные Эдуарду Мане или Чайковскому, не рождаются каждый год. Также известно, что еще не создана ЭВМ, чтобы высчитать, как и почему рождается шедевр. Это тайна.

Но нельзя не заметить, что свои картины, ныне украшающие Лувр и лучшие собрания мира, Мане создавал далеко не в тепличных условиях. Не было никакой поощрительной атмосферы для творчества. Более того, Мане и его друзья-импрессионисты переживали такой шквал издевательств и непризнания, что у любого слабого художника опустились бы руки. Однако они, невзирая на трудности, боролись и творили.

В подвижничестве, честности, духовности, в неустанном желании отразить свое время, сказать новое слово в искусстве — в этом секрет успеха истинного живописца. Труд, мастерство, душа — слагаемые победы.

«Железная дорога». 1873 год... Окно в жизнь. Фиалковая прорубь в сверкающий мир пленэра. Звучат, поют голубые, синие, холодные, почти серебряные по звонкости валеры.

Валеры — тончайшее сопряжение цветовых, световых, тональных нюансов. Они и составляют сложнейшую основу станковой классической живописи. Подобно тому, как сочетание созвучий рождает в музыке гармонию.

Картина Эдуарда Мане — навечно запечатленный миг. Отражение фрагмента времени. Редкостное осязание эпохи не только в костюмах или пейзаже. Оно в живописной передаче сложнейших оттенков психологического состояния человека... В картине, кажется, нет сюжета. Действующие лица разобщены. Однако вглядитесь. И попробуйте изучить материалы, связанные с появлением этого полотна, тогда вы обнаружите скрытый диалог, который ведет автор холста со своей

Окончание на стр. 25.

Э. Мане. 1832—1883. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА (ВОКЗАЛ СЕН-ЛАЗАР). 1873. Национальная галерея искусств. Вашингтон.

Э. Мане. НАТЮРМОРТ С ДЫНЕЙ И ПЕРСИКАМИ. Около 1866.

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

Э. Мане. МЕРТВЫЙ ТОРЕРО. Около 1864.

Леонид ЧАШЕЧНИКОВ

Весна не помнит осени...

ЛЕБЕДЬ-ПЕСНЯ

У меня две реки,
как две верных руки:
справа гордый Иртыш,
слева вольная Волга.
У меня по России
везде земляки,
и причалы везде
на пути моем долгом.

На яру постою —
Ермака воспою,
на песчаной косе —
возвеличу Степана.
У меня две реки,
как две сильных руки,
караваны ведут,
кораблей караваны.

Справа глубь-глубина,
слева голубь-волна,
правой сила дана,
левой нежность и ласка.
И на все времена
лишь Россия одна —
лебедь-песня моя,
моя вечная сказка.

СПИТ ЖЕНЩИНА

Спит женщина.
Во сне ей счастье снится,
Бегущее сквозь чащу напрямик.
И вздрагивают чуткие ресницы,
Готовые раскрыться каждый миг.

Спит женщина, любимая до боли.
Проснется и уйдет на склоне дня.
И горько мне, что удержать не волен,
И радостно, что любит лишь меня.

Спит женщина, спокойствием объята,
Прекрасная в любви своей земной!
Послушайте,
она не виновата,
Что хорошо ей на земле со мной.

НА СТАРОМ ПОДВОРЬЕ

Земля устала ждать,
и плуг зарос бурьяном.
Ржавеет под стрехой
старинная коса.
Из дали давних лет,
из памяти туманной
доносятся ко мне
былые голоса.

В село из-за реки
плывет покосный запах.
Парит кукушкин плач
на крыльях тишины.
Осевшая изба
глядит, глядит на запад —
напрасно ждет она
хозяина с войны.

Пью горечь жухлых трав,
хмелея, не пьянею.
Задумчиво брожу
заросшею межой.
Родимая земля!
Что бы случилось с нею,
когда бы не лежал
солдат в земле чужой?!

Сияет синий день,
а сердцу одиноко:
я снова в той беде,
в том памятном году.
Глядит изба в закат
глазами тусклых окон,
безмолвно плачет плуг,
уткнувшись в лебеду.

●

Птаха резвится над озимью,
В звонкий бубенчик звеня.
Женщина бродит у озера —
Не замечает меня.
И по-над водами вешними
Вербы цветут на юру.
Медом и мукой сердечною
Веет от них ввечеру.
Вынесла зимушку прозелень —
Выстоит рожь в суховей!..
Женщина бродит у озера,
Стонет в лозе соловей...
Сколько еще мне завещано
Радостных мук соловья?
Бродит у озера женщина
Тихо, как память моя.

●

Мне надо повыше подняться
Над серым безрадостным днем,
Над шелестом чахлых акаций,
Над домом и склоками в нем.
Над гордо приподнятой бровью,
Над песней, что спел соловей,
Над женской ревнивой любовью
И всем, что сопутствует ей.
А после на землю спуститься
И кануть за окоем.
Исчезнуть.
Верней, раствориться
В бессмертном народе моем.

●

Весна не помнит осени.
Зима
Лежит меж ними, словно сон столетний.
Но сходит осень от весны с ума —
Меж ними пестрый луг и полдень летний.

В предзимье думать колосу грешно
О том ростке, что озимью зовется,
Но тронешь колос —
колос отзовется
Звенящей остью грустно и смешно.

ПОТАЕННЫЙ ПУШКИН

Потаенной литературой называл Огарев в прошлом веке литературу, избегшую по тем или иным причинам цензуры, рукописи и черновики писателей, и добавлял, что только в совокупности слова печатного и слова, как бы оставшегося втуне, «ясным следом начертится историческое движение русской мысли и русских стремлений». Эта совокупность, может быть, более чем у кого-либо, значима у Пушкина.

«Выявлению значения пушкинской прозы, взятой в целом, препятствует то, что важнейшие произведения исторической и автобиографической прозы поэта остались вынужденно незавершенными или дошли до нас только во фрагментах. Тем более необходимо собрать и изучить все, что дошло до нас от этой запретной прозы Пушкина» — так определяет идею своей работы И. Л. Фейнберг (1905—1979) в книге «Читая тетради Пушкина». Впрочем, и само название ее говорит о стремлении автора выявить в наследии гения то, что оказалось неопубликованным или незамеченным, но, с другой стороны, и то, что является в его творчестве весьма существенным и даже важнейшим.

Нет, наверное, ни одного литературоведа, изучающего русскую словесность начала XIX века и обошедшего труды Фейнберга. Он принадлежит к тем счастливым исследователям, кто для пушкинистики сделал очень много, причем не оставив «многопудья» томов; «Читая тетради Пушкина» — основное, что им написано. Таким образом, это еще и итог, результат труда целой жизни.

Что ж в книге? Круг исторической, политической и мемуарной прозы Пушкина, то есть рассказ о том, как рождалась «История Петра» и «Автобиографические записки» — сложнейшие сочинения поэта и как через «Дневник» осуществляется им разгадывание современности — эпохи от Павла I до декабристов. Кроме того, тут собраны воспоминания о Цявловском и Тынянове, множество статей и очерков, посвященных разысканиям и находкам драгоценных дум и художественных красот в пушкинских черновиках.

Читая Фейнберга, поражаешься строгости и в своем роде осторожности методики: никаких так называемых «смелых гипотез», никаких домыслов и тенденций «по мерке и объему рам, заранее изготовленных» — только пушкинский текст и только документ, связанный с текстом, дают ученому законное право для единственно возможного вывода. Так строятся очерки «Заступники кнута и плети», и «Упущенный черновик», и «Исторический анекдот Пушкина», и «Джон Теннер», и другие.

И. Л. Фейнберг был очень дотошным пушкинистом. И эта-то дотошность позволяла ему, читая перечеркнанные страницы и «следуя за мыслями великого человека», делать иногда поразительные открытия. Например, то, что Пушкин в прямом смысле предвосхитил почти всех последующих поэтов: «Не вот он напишет сначала, как будут писать в XX веке — Блок, даже Заболоцкий, а потом подумает, зачеркнет и в конце концов напишет, как в XIX веке».

Но больше всего Фейнберг интересовался Пушкиным-историком, и потому сам он превратился в многознающего историка, изучившего эпоху Петра I, выкапывающего все новые и новые факты биографии «самого сильного царя России» и как бы всякий раз подтверждавшего гениальность Пушкина: в его петровских разработках, при относительно небольшом объеме информации, оказывались заложены, как бы просчитаны истинные провидения.

Попутно осваивал Фейнберг и близлежащие темы. Так, в книгу вошла первая, по существу, монография о знаменитом «Арапе Петра Великого», и монографию эту трудно переоценить: известно, что такое был Ганнибал для Пушкина.

Появление тома, где собраны фундаментальные исследования о незавершенных произведениях Пушкина, безусловно, событие в культуре. «Ибо без достаточного ознакомления с этими великими замыслами и работами наше представление о границах творчества Пушкина оставалось бы поневоле неполным», — пишет в предисловии составитель книги, жена и друг ученого, литературовед М. И. Фейнберг, которой мы и обязаны теперь этим прекрасным изданием, снабженным к тому же богатейшим, со вкусом и знанием подобранным иконографическим материалом.

А. БАСМАНОВ

И. Л. Фейнберг. Читая тетради Пушкина. М. Советский писатель. 1985. 688 с.

К 45-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ОТ ДОБРЯНКИ ДО БЕРЛИНА

Я окончил шесть классов, когда беззаботные наши каникулы были прерваны войной. Через Добрянку Черниговской области уходили на восток советские войска. А в августе 1941 года настали черные дни оккупации. Подпольщики и партизаны начали борьбу против фашистов. Однажды на железной дороге Гомель—Чернигов (недалеко от Добрянки) на мине подорвалась немецкая дрезина, был убит генерал, несколько солдат и офицеров. К вечеру нагрянул отряд карателей в черной эсэсовской форме. Всех жителей нашей главной улицы, улицы Ленина, стали сгонять к одному из домов. Выстроили в две шеренги человек 60—70 (в том числе меня и мою мать), напротив построили солдат с автоматами, и офицер через переводчика объявил, что с этого времени мы — заложники и будем расстреляны в любое время, а дом, находящийся позади нас, сейчас будет сожжен. Дом подожгли на глазах у людей, стоявших под дулами автоматов. Что происходило в моей детской душе, описать невозможно! Поклялся себе, если останусь жить, мстить врагам! Мы, мальчишки, видели бесчинства фашистов и их пособников — полицаев. Заслышав гул советского самолета, мы бежали в лес и подбирали листовки, в которых сообщалось о скором освобождении.

В сентябре 1943 года советские войска освободили Добрянку. Я попал в 35-ю гвардейскую отдельную минометную бригаду РГК. Был связным, разведчиком-наблюдателем. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...».

Как зеницу ока берегу свои редкие фронтовые снимки. Разве мог я думать тогда, в сорок первом, стоя под дулами фашистских автоматов, что мне придется фотографировать поверженный рейхстаг, сложивших оружие гитлеровцев на улицах Берлина, а позже служить в Группе советских войск в Германии, помогать строить социалистическую Германию. В 1968 году меня наградили медалью ГДР «За отличные достижения».

С. КРАВНИКОВ,
майор запаса

Заславль,
Минская область.

С однополчанами в Берлине после Победы. Автор этих строк на снимке справа в первом ряду.

СЕСТРИЧКИ

Посылаю нашу семейную реликвию — фотографию, сделанную во время боя с фашистами.

Зимой 1943 года 165-я стрелковая дивизия вела тяжелые бои в составе 54-й армии Волховского фронта в болотистых лесах в районе восточнее Любани. Утром 22 февраля штаб дивизии был поднят «В ружье!». Более трехсот автоматчиков из офицерской школы СС прорвались через поредевшие наши боевые порядки и вышли на командный пункт дивизии. Командиры штаба вместе с бойцами комендантского взвода, связистами, саперами и артиллеристами смелой контратакой опрокинули врага. Весь день длился бой, было отбито двенадцать атак. Помогли и две подоспевшие тридцатьчетверки 7-й гвардейской танковой бригады.

Отвагу и бесстрашие показали в бою девушки-комсомолки — военфельдшер роты связи Александра Матвеевна Юлкина и медицинская сестра, старший сержант Клара Викторовна Демьяновская. Под огнем противника они спешили на помощь раненым воинам, вытаскивали их из-под обстрела, ловко и быстро делали перевязки.

На фотографии, снятой в этом бою корреспондентом дивизионной газеты «На штурм» Анатолием Гребеневым, запечатлена военфельдшер Александра Матвеевна Юлкина, делающая перевязку раненому бойцу. Рядом медицинская сестра Клара Демьяновская.

Эту фотографию Александра Матвеевна отослала своей маме Марии Антоновне Юлкиной в город Боровичи Новгородской области. На обратной стороне снимка она написала: «На память матери! Жизнь фронтовая, жизнь боевая запомнится нам с Кларой навсегда. Но это не все, мы еще себя покажем в грядущих боях. За счастье Родины мы отдадим все. Посылаю 5.3.43».

Младший лейтенант медицинской службы Александра Матвеевна Юлкина стала моей женой, теперь ее фамилия Горбацевич. Сменила фамилию и фронтовая подруга Шуры Клара Демьяновская. Сейчас она Попова, живет в городе Кургане.

А. ГОРБАЦЕВИЧ

Москва.

В ПОЛЯХ ПОД МОСКВОЮ

Николай МОИСЕЕНКО

Земля не забыла, как верность сыновья
Бросала в атаки безусых парней...
Стоят обелиски в полях Подмосковья —
Суровая память немеркнущих дней.

И помнят березы, как, смерть презирая,
Солдаты стояли прочнее брони.
У Истры и Химок Москву прикрывая,
Недаром в бессмертье шагнули они.

Сегодня приходят сюда ветераны,
Свои у них счеты с последней войной.
Прошли пол-Европы сквозь смерчи и страны,
Но помнят тот первый свой бой под Москвой.

Давно отшумела свинцовая вьюга,
Лишь гроз отдаленных послышится гул.
И мирные зори, сменяя друг друга,
Почетный несут над землей караул.

Москва.

Лето сорок первого...

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Был я наводчиком 134-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона, которым командовал майор Степанов. Наша дивизия стояла в обороне под Карпатами, в Румынии. В эти дни к нам пришло пополнение из районов освобожденной Украины. С ним прибыл и Смищук — молодой крепкий украинец с красивым лицом и чистыми, как голубое небо, веселыми глазами. Побывав в оккупации, он насмотрелся на зверства гитлеровских головорезов и горел жгучей ненавистью к врагам.

Случилось так, что Смищук остался в траншее один. После пятой атаки пехота отошла, а он остался, потому что, уходя на фронт, дал сельчанам клятву никогда не отступать. Когда пошли вражеские танки, Смищук собрал по траншее противотанковые гранаты, положил на бровку несколько бутылок с горючей смесью и стал ждать, приговаривая сам себе:

— Идут! Хорошо, гады, идут. Клином!

Пропуская танк через траншею, он бросал под гусеницы гранату, танк на время замирал, и в это мгновение летела на жалюзи бутылка, и машина превращалась в факел.

— Вот тебе за Полтаву! Вот тебе за Киев! А тебе, змеюга, за всю Украину!— кричал он.

Гитлеровцы очумели. Никто не стреляет, а танки горят. Уже горела гимнастерка на плечах Смищука, а он продолжал бой. Фашисты дрогнули и повернули назад. В этой схватке Смищук уничтожил шесть вражеских танков, за это ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Затем наша дивизия с боями прошла всю Венгрию, крылом «зацепила» окраину Чехословакии и форсированным маршем была переброшена под Будапешт. Четыре месяца громыхали смертельные баталии, и лишь тринадцатого февраля город был взят. В одном бою ко мне в орудийный окоп прыгнул солдат.

— Перевяжи, браток!— Я достал индивидуальный пакет и стал перевязывать рану на груди у бойца. В это мгновение на бруствере разорвался снаряд, нас присыпало немного землей и заволокло облаком черного дыма. Когда мгла рассеялась, я взглянул на солдата и глазам своим не поверил: на моих руках лежал родной брат Илья. Перевязывая рану, я и не знал, что на пальцах моих была братская кровь. Посиневшие губы Ильи еле выдавили последние слова:

— Вот и все, братка, прощай, я уже отвоевался, а тебе еще Берлин брать.—Илья навечно затих, продолжая смотреть на меня мертвыми глазами.

Он ушел на фронт в первый день войны. В сорок первом попал в плен. Два раза неудачно бежал из концлагеря и лишь на третий раз добрался до линии фронта, попал в нашу дивизию, о чем я не знал.

Похоронили Илью на венгерской земле и на могильный холмик положили каску. Когда стали на отдых, всех отличившихся в боях награждали орденами и медалями.

Вручая мне второй орден Славы, полковник сказал:

— Хорошо ты, старший сержант, воюешь...

Народы всех стран, которым довелось испытать фашистскую оккупацию, встречали нас радушно и доброжелательно, а в Болгарии называли братушками. Софию мы проезжали на орудийных лафетах. Нам бросали цветы, сигареты. Улица была забита народом. Ее поливали водой: такой обычай встречать лучших гостей. Все кричали: «Мы вас ждем, братушки! Добро пожаловать!»

В. СУХОРУКОВ

Норильск.

Публикацию подготовила Н. КРЫЛОВА.

Лето сорок первого...

Фото М. САВИНА

ДЕТИ НА ВОЙНЕ

Было это в апреле сорок пятого, на второй день после форсирования Одера. Мы его перебегали по понтонному мосту. Слева и справа вставали фонтаны воды, взметенные разрывами снарядов, а в небе над самой переправой кружилось несколько вражеских самолетов, и по ним беспрерывно били наши зенитки. Но мы, кажется, ничего не замечали, потому что бежали быстро, по привычке пригнувшись, и с ходу вступили в бой за подступы к городу Врицену. Наша 185-я стрелковая дивизия наступала вдоль дороги. Фашисты так густо заминировали местность, что саперы, посланные вперед, не управлялись с работой. Взрывы раздавались в самых неожиданных местах. Буквально у меня на глазах подкосило миной нашего тринадцатилетнего солдатика Витю, который числился в хозяйственном взводе. Он увидел, как старшина торопливо освобождает от постромок раненую лошадь, и спрыгнул с повозки, кинулся на помощь. И в пяти метрах от дороги у него под ногами сверкнуло рыжее пламя...

Много прошло времени с той поры, но до сих пор, как только зайдет речь о наступлении на Берлин, невольно оживают в моей памяти зовущие Витины глаза, его протянутые руки, разрывающий душу мальчишеский крик...

Я стараюсь не вспоминать этот печальный фронтовой эпизод. И сейчас бы не стал ворошить свою память, если бы не книга «Дети военной поры», выпущенная Политиздатом. Увидев на обложке мальчишку в солдатской шинели, чем-то похожего на нашего Витю, я стал читать страницу за страницей, не обращая внимания на штампы и литературную слабость некоторых очерков. Меня захватили факты, документы, правда жизни. Такие книги делать нелегко. Тут многое зависит от составителя, от его знаний, поиска, кропотливого труда. Издательству в этом отношении повезло: книгу собирала Э. Максимова, опытная известинская журналистка, ведущая в газете детскую тему.

В томе всего триста пятьдесят страниц, но на этой малой площади уместилось столько жизней, трагедий, мужества, радостей и печалей...

В книге есть небольшой очерк о летчике, который много раз вывозил из немецкого тыла воспитанников Полоцкого детского дома. Почти юноша, симпатичный, отчаянный, веселый, с ласковой домашней фамилией — Мамкин. Саша Мамкин, которого, пожалуй, ни разу при жизни не назвали Александром Петровичем. По имени и отчеству величают его в торжественные минуты только теперь, в наши дни, когда пионеры вспоминают, как ночной летчик Мамкин спас их родителей, бабушек и дедушек. Александр Петрович Мамкин успел перелететь линию фронта, сумел приземлиться, спас десять ребят, а сам умер от ожогов и ран...

Детей, как и раненых солдат, развозили по многим областям и районам страны. Старались, конечно, отправить их туда, где климат потеплее, где побольше солнца, овощей и фруктов. Тысячи обездоленных, осиротевших ребятишек принял Узбекистан. Ташкентский вокзал превратился в первые годы войны в специальный приемник. Оголодавшие, ослабевшие, полураздетые дети, особенно из блокадного Ленинграда, не могли даже сойти из вагона. Их выносили на руках, кормили с ложки. Сами они и ложку держать не могли. Усман Юсупов, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, контролировал прием и размещение эвакуированных детей. Много сирот военной поры обрели в узбекских семьях родительскую заботу и покой...

Я был свидетелем, когда так же по-родственному, как и в Узбекистане, люди давали кров малолетним гражданам осенью сорок первого в Башкирии. Самоходная баржа, где я, пятнадцатилетний мальчишка, работал мотористом, ночью пришвартовалась к какой-то небольшой пристани на реке Белой. В трюмах было зерно, а на палубе женщины и дети, которых нам посадили еще за Рыбинским водохранилищем, в Череповце. Все они пробирались из Новгорода, Пскова и из других городов северо-запада, где лютовали фашисты. Помню, как шел мелкий холодный дождь, но к тихой пристани подъезжали подводы, и старики-башкиры сажали детей на телеги, укрывали их рогожей, приветливо приговаривая что-то на русском и башкирском языке. Капитан просил подождать до утра, все равно, мол, нам тут долго разгружаться, но старики и слушать не хотели.

— Мы, бачка, домой их везем,— говорили они капитану.— У тебя тут на машине якши, а дома лучше. Наш дом теперь и их дом. Из района телефона звонила, дети на пароходе, от войны им беда, мы шибко-шибко ехали за ними...

Все четыре длинных года войны наши ребята вызывали не только жалость, но и восхищение. Они стояли у станков, сеяли и убирали хлеб. А сколько ребят убегало на фронт, тайком забираясь в воинские составы. Дети были, пожалуй, в каждой дивизии и бригаде. Сыны полков, они выполняли солдатскую службу. Их, конечно, опекали и немножко баловали вниманием, но суровая боевая обстановка ложилась и на мальчишеские неокрепшие плечи. Они участвовали в боях, были связными, коноводами, ходили в разведку. Во многих партизанских отрядах дети и подростки показали себя храбрыми, смекалистыми бойцами. Самые отчаянные из них, такие, как Леня Голиков, Марат Казей и Александр Чекалин, стали Героями Советского Союза. В наградных листах, которые шли на утверждение в Москву, не указывалось, что речь идет о детях. Их представляли, как всех солдат, совершивших боевой подвиг...

В книге «Дети военной поры» почти пятьдесят очерков. Авторы их, журналисты и писатели, и просто очевидцы, изложившие виденное на бумаге, донесли до нас редкие факты и биографии, в какой-то степени оживили героев, которые погибли в бою. Завершается сборник стихотворением Юрия Воронова, ставшим хрестоматийным:

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом
Паспорта.

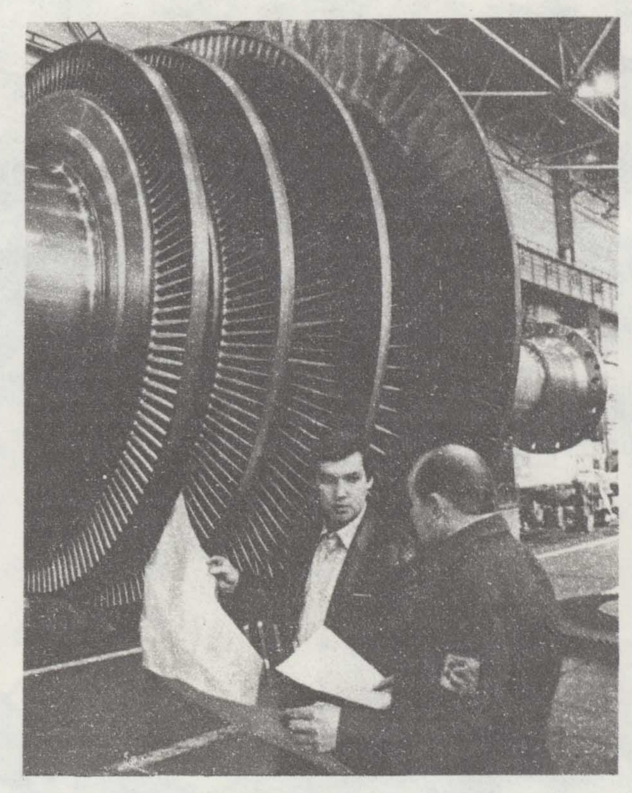
Я перечитываю эти выстраданные поэтом строчки, и в памяти встают картины боевых дорог, все те мальчишки в солдатской форме, которых мне пришлось видеть. Сорок пять лет уже прошло с начала войны. Выросли сыны полков и батальонов. У них уже есть и дети, и внуки. И пусть они никогда не узнают войны.

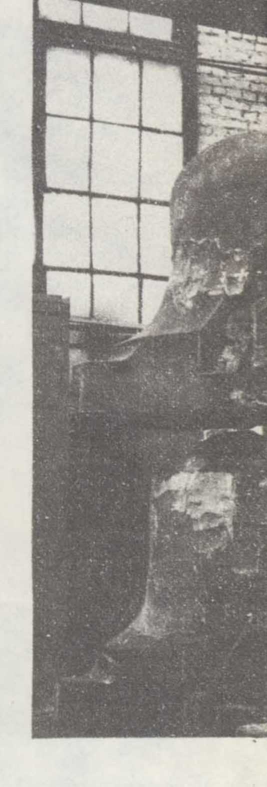
Юрий ГРИБОВ

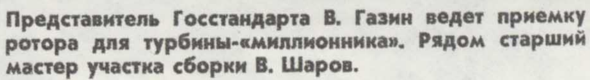
Дети военной поры. М., Политиздат, 352 с.

ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

среди книг

Представитель Госстандарта В. Газин ведет приемку ротора для турбины-«миллионника». Рядом старший мастер участка сборки В. Шаров.

ПЛОДЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

НЕПР

ДОРОГАЯ ЦЕНА НЕРАДИВОСТИ И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

В 1984—1985 гг. объединение «Ленинградский металлический завод» недодало стране несколько паровых турбин. И хотя в плане предприятия они не значились — ущерб государству налицо.

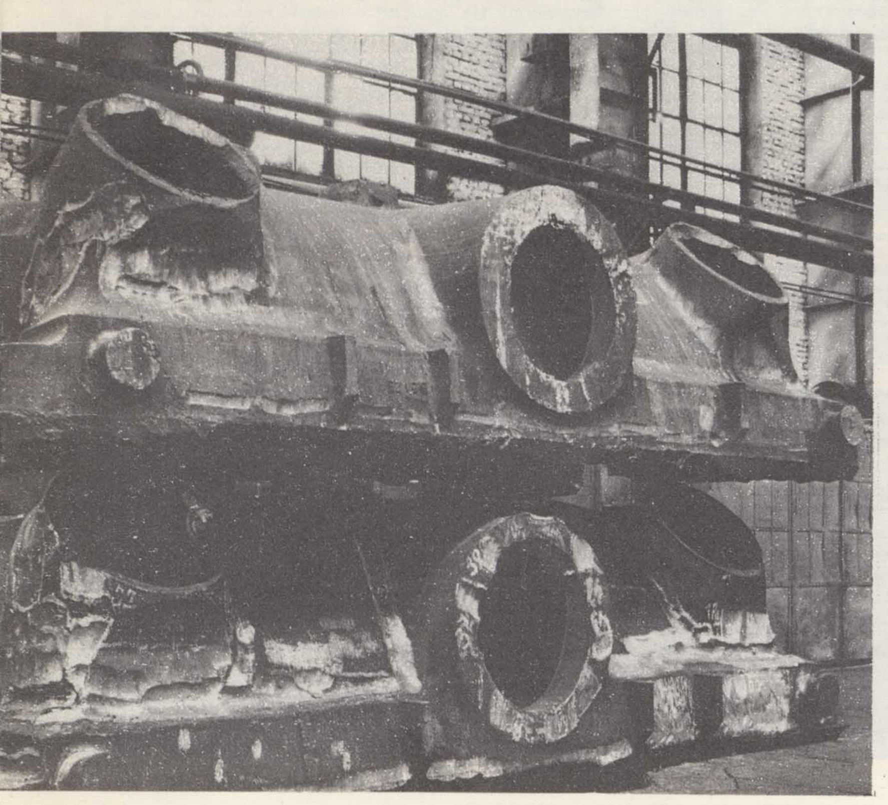
Время еще никогда не текло вспять и «наверстать» его, равно как и все в нем упущенное, нельзя никоим образом. Так что турбины эти растаяли в эфире почти бесследно. Почти, так как легкий инверсионный дымок стоимостью в один миллион 201 тысячу 499 рублей 54 копейки они все-таки оставили. Именно столько денег ухлопал «ЛМЗ» на то, чтобы исправить дефектные детали, поставленные ему с противоположного берега Невы объединением «Невский машиностроительный завод».

Деньги с бракодела востребованы полностью. Но вот время — 547 264 нормо-часа — не вернешь.

— Исключение этих непроизводительных затрат и равнозначно выпуску нескольких турбин,— сказал руководитель представительства Госстандарта СССР на металлическом заводе Ю. Новодворский.— И это, к сожалению, далеко не единственный случай, когда нашему предприятию приходится из своего кармана оплачивать грехи смежников.

Нашему предприятию... Невольно обратил внимание на эти слова, ибо формально ни Юрий Юрьевич, ни его сотрудники «своим» считать объединение не могут. Они не связаны с ним ни зарплатой, ни премией, не получают от него никаких социальных благ. Абсолютно чуждые каким-либо отраслевым страстям, они осуществляют здесь вневедомственную государственную приемку продукции. Ее значение особо подчеркнуто в недавнем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, наметившем комплекс организационных, экономических и правовых мероприятий, направленных на повышение технического уровня и качества выпускаемой продукции в свете решений XXVII съезда КПСС.

Металлический завод относится к числу 42 предприятий страны, где система такой приемки продукции проходила предварительную проверку. И доказала свою эффективность, в чем (применительно к заводу), конечно же, немалая заслуга небольшого — всего пять человек — коллектива представительства Госстандарта. Для этого коллектива минувший год был и школой, и экзаменом одновременно, поскольку Ю. Новодворскому,

Отливки-уродины, о которых говорится в статье.

Фото Ю. Щенникова

...ирученный ОТК

З. Епифановой, В. Газину, Б. Боровикову, П. Юрлову пришлось и учиться новому делу, и утверждать его.

А в чем, собственно, его новизна? Ведь, помимо многолюдного ОТК, в объединении действуют представительство Минэнерго, инспекция Министерства внешней торговли, существует контроль заказчика, так или иначе пекутся о качестве народные контролеры и «Комсомольский прожектор». И нет цеха, конструкторского бюро, где о нем же, многострадальном, не говорилось бы почти на каждом совещании, где не брались бы обязательства, не намечались конкретные меры, чтобы повысить его.

Увы, количество контролеров, совещаний и мер само по себе в качество все-таки не переходит. Причин тому много, и не последнее место среди них занимают обычно ссылки на недобросовестность смежников, срывающих сроки поставок, не гарантирующих требуемого качества. А если учесть, что у каждого предприятия таких смежников десятки, а то и сотни, и все они прямо или косвенно связаны между собой, образуется какой-то замкнутый, порочный круг взаимных претензий, разобраться в которых подчас попросту невозможно. Да и нужно ли, если ясна первопричина — элементарный обман: токаря, ради заработка малость погрешившего точностью; ОТК, ради интересов цеха пропустившего эту деталь на сборку; завода, ради плана стремящегося сбыть недобросовестно сработанную продукцию. Пресеките обман — будет порядок. Лишите предприятие малейшей лазейки всучить потребителю брак — исчезнет повод для взаимно реабилитирующих ссылок.

Вот с такими несколько идеализированными представлениями отправлялся я на «ЛМЗ» знакомиться с деятельностью представительства Госстандарта, чьи обязанности, как вскоре выяснилось, представлял достаточно упрощенно, полагая, что сотрудники его нечто вроде бесстрастной пограничной стражи, единственная забота которой — не выпускать за рубежи объединения плохо сделанные турбины.

Забот оказалось куда больше.

— Ну, а основное отличие госприемки от всех иных видов контроля,— сказал Ю. Новодворский,— в том, что она осуществляется постоянно, планомерно, не носит эпизодический характер, а, следовательно, учитывает все многообразие и сложность организации производства, дает возможность непосредственно влиять на ее совершенствование. Сегодня мы отвечаем за паровые турбины мощностью в пятьсот, восемьсот тысяч, миллион киловатт. За год определили наиболее слабые места в работе изготовителей, нашли способы повлиять на нарушителей, поставщиков дефектной продукции.

Ох, уж эти поставщики! На снимке вы видите отливки наружного цилиндра высокого давления «миллионника», изготовленные на краматорском заводе «Энергомашспецсталь». Прибыли они в чудовищном виде, с дефектами, в десять (!) раз превышающими допустимые техническими нормами. Много лет объединение пыталось повлиять на изготовителей, обращалось в свое, общее для обоих предприятий министерство, но тщетно. А план между тем поджимал: жалобы жалобами, а исправлять чужой брак все-таки приходилось самим, тратить немалые, далеко не лишние силы и средства.

Сотрудники представительства Госстандарта проявили принципиальность и решительно запретили использовать эти отливки. Соответствующий акт проверки и предписание о запрете были направлены в Госстандарт СССР, министерство и на краматорский завод.

Нет отливок — не будет и турбин, а это мощный удар по престижу всего ведомства. Не знаю, какие уж там пружины сработали, но «узел», который не могли распутать в течение почти десяти лет, развязался вдруг как бы сам собой — новые партии отливок полностью соответствовали предъявляемым требованиям!

Аналогично пришлось поступить и с продукцией объединения «Ленинградский завод турбинных лопаток» («ЛЗТЛ»), хотя здесь действовали похитрее: заказчик — «ЛМЗ» — рекламаций и претензий по качеству, как правило, не предъявлял. Что-то доводил до ума сам, какая-то часть дефектных лопаток все же попадала на сборку. Обратили на это внимание госприемщиков рабочие, собиравшие «миллионник». Проверка на «ЛЗТЛ» выявила немалые дефекты, и с 15 апреля объединению было запрещено использовать сделанные лопатки. Сейчас дела пошли лучше, хотя до окончательной победы, судя по всему, еще далеко.

Как видим, права у представителей Госстандарта немалые для того, чтобы наказать любого «обидчика», пусть даже географически отдаленного от объединения.

Ну, а как обстоят дела в собственном доме?

— Турбинное производство — единичное и мелкосерийное по своей сути — имеет немало специфических черт, обязывающих нас к неформальному подходу в оценке качества,— несколько неожиданно отвечал Ю. Новодворский.— Характер работы допускает возможность разовых отступлений от чертежа, на что должны оформляться так называемые «карты разрешения». Но вот взялись мы за проверку, и выяснилось, что из разовых многие отступления превратились в систематические, а «карты» стали чем-то вроде щита для бракоделов, привыкших к тому, что любой их грех, чтобы он не слишком бросался в глаза, будет прикрыт соответствующей бумажкой. ОТК в этих случаях выступают статистами. Они учитывают нарушения, но никак на них не влияют. Ясно, что нужно было ломать установившуюся традицию. Причем браться всем вместе — инженерам, технологам, контролерам, сотрудникам представительства. И первые шаги уже сделаны. СКБ «Турбина», в частности, теперь более строго относится к выдаче разрешений на отклонения от требований чертежей. ОТК взялся за систематический анализ всех допускаемых отступлений. Повысили требовательность и контролеры на местах, изделия возвращаются на повторное предъявление. Это улучшило межцеховую кооперацию, уменьшило затраты на исправление брака.

Следим мы и за тем, чтобы нерадивые исполнители и их покровители наказывались решительней. Жизнь доказала: одними призывами к сознательности (зачастую отсутствующей) порядка не наведешь. И когда, например, при ревизии деталей для Березовской ГРЭС были выявлены грубейшие нарушения по геометрическим размерам и качеству сварки, работники ОТК и цеха были привлечены к административной ответственности, непосредственные исполнители были наказаны в цехе. Это подействовало: по аналогичным сборочным единицам следующей турбины для Сургутской ГРЭС замечаний не было.

Столь же серьезные меры пришлось принимать к «соавторам» брака, допущенного при изготовлении ротора низкого давления «миллионника». Все готовые роторы были отправлены на доработку, виновные наказаны.

Слушая Юрия Юрьевича, Владимира Васильевича Газина, их коллег, невольно думал о том, что наверняка работа представительства Госстандарта начиналась в достаточно сложной психологической обстановке. Чего скрывать, контролеров у нас не любят ни в какой сфере, воспринимая их, безусловно, нужную обществу деятельность как какое-то недоверие, укор. А тут с первых шагов такая активность, смелое вторжение во все нюансы производства.

— Да, введение государственной приемки продукции многим на предприятии осложнило жизнь,— замечает начальник сектора технического контроля одного из цехов Г. Давыдов.— Вот, в частности, и нам пришлось отправить бригаду на «ЛЗТЛ», чтобы на месте осуществлять хотя бы выборочную проверку изготовляемых лопаток, то есть дублировать тамошнюю службу ОТК. Встретили нас, как сами понимаете, не цветами. И все-таки убежден: госприемка — дело, безусловно, нужное, и польза от него очевидная. По-моему, объединение только выиграет, если подобная форма контроля распространится на все виды продукции.

Что ж, судя по вниманию государства к первому опыту, следует ожидать дальнейшего расширения форм и методов влияния представительств Госстандарта СССР на ход производства. В эксперименте, начатом год назад, сегодня готовятся принять участие уже сотни предприятий.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
соб. корр. «Огонька»

Ю. СУРХАЙХАНОВ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Ехал я в заповедник Аскания-Нова, а оказалось, что это Научно-исследовательский институт животноводства Южного отделения ВАСХНИЛ.

— Никакой ошибки нет,— улыбнулся Юрий Сергеевич Мусиенко, директор института,— зебры, страусы, лошади Пржевальского, бизоны — все это у нас. Заповедный комплекс входит в структуру института. Комплекс, а не просто заповедник, потому что у нас три охраняемых объекта: ботанический парк, зоопарк и собственно сама заповедная степь. Вы все это увидите, я только введу вас в курс наших задач.

Часто спрашивают, почему мы занимаемся экзотическими животными, птицами, растениями: ведь задача заповедника — охранять и изучать природный ландшафт, местную флору и фауну... А наши задачи сложились исторически. Это разведение животных с целью их сохранения в природе, акклиматизация животных и растений. Наконец, ведется целенаправленная работа по получению различных гибридов и одомашниванию диких животных.

Особая заслуга работников заповедника — спасение от полного вымирания лошади Пржевальского. Здесь живет единственное вольное стадо этих прекрасных животных, практически истребленных человеком, оно насчитывает шестьдесят особей — это 12 процентов от всех сохранившихся представителей этого вида, живущих под опекой человека, а в естественных условиях уже не осталось ни одного джунгарского тарпана — это другое название лошади Пржевальского. Сейчас стоит вопрос о том, чтобы восстановить их популяцию на родине, в Монголии, с этой целью в заповеднике формируется стадо.

Аскания-Нова — крупнейший поставщик экзотических животных для городских зоопарков, питомников. Это единственное место в стране, где стабильно размножаются страусы. Я видел, как водружали в грузовик деревянные клетки со страусами, оказалось, что следуют они в совхоз... Нет, не с хозяйственной целью. Просто некоторые совхозы Украины устраивают свои небольшие «Аскании».

Работа по одомашниванию диких животных ведется под руководством старшего научного сотрудника Маршины Юнусовны Треус. В Аскании создано первое и пока единственное в мире дойное стадо антилопы канны. Молоко этого африканского животного по жирности превосходит коровье в три, а по содержанию белка — в два раза. Молоко канны, кроме того, что содержит большое количество микроэлементов, полезных для человека, имеет одну особенность: не скисает семь суток при комнатной температуре, а в холодильнике три недели... Исследования показали, что в молоке канны есть вещества, препятствующие развитию болезнетворных бактерий.

Секцию орнитологии возглавляет старший научный сотрудник Валентина Николаевна Зубко, ею разработан «метод привязки птиц»... Я не сразу смог взять в толк, что практически все виды живущих здесь пернатых за редкими исключениями вольные. То есть они летают, где им вздумается, выбирают места для гнездования и не покидают зоопарка добровольно. Я решил было, что они ручные, но «даже те, что вывелись в инкубаторе, не только не ручные,— объяснила Валентина Николаевна,— а самые настоящие дикие, у них сохраняется инстинкт страха, иначе они могут стать легкой добычей хищника или человека».

Главное богатство заповедника — участок девственной степи, единственный такого размера сохранившийся в Европе, так что его значение распространяется и на нее... Не всегда на ее территории были Париж, Будапешт, Саратов, соединенные развитой сетью железных дорог и автомагистралей, но тысячелетиями копытили ее стада туров — предков домашней коровы, тарпанов — предков домашней лошади, однако исчезли: человек вытеснил. Последняя турица пала в 1627 году, последняя дикая кобыла тарпана была убита в 1879 году в 35 километрах от Аскании-Нова. Жаль, конечно, красивых, сильных животных, но жаль и человека: он сам обокрал себя.

Неуклонно расширяя свою продовольственную базу, люди, к сожалению, мало считаются, а чаще всего вообще не считаются со всеми остальными обитателями тех мест, на которые они впервые пускают плуг или свой домашний скот. А в результате последние экземпляры многих видов некогда многочисленных животных можно встретить только в зоопарках крупных городов, где условия их содержания все же далеки от совершенства.

Я снова в кабинете директора института.

— Юрий Сергеевич, два года назад Аскания-Нова по решению ЮНЕСКО была включена в международный список биосферных заповедников мира. Что это означает?

— Биосферные заповедники — это особо охраняемые территории для изучения глобальных явлений и особенно (я подчеркиваю) вызванных вмешательством человека в природную среду. Ну, а для того, чтобы иметь саму возможность регистрировать изменения, нужно для сравнения иметь исходное состояние, некий эталон. Такими эталонами в природе могут быть лишь не тронутые хозяйственной деятельностью участки земли, их называют фоновыми.

Для всей Европы единственным фоновым степным участком являются 11 тысяч заповедных гектаров целины Аскании-Нова. Целина имеет одну особенность — однажды вспаханная, она уже никогда не восстанавливается в своем исходном состоянии...

Наша Таврическая степь вовлечена в земледелие сравнительно недавно. Скотоводство по-настоящему развилось здесь со второй половины прошлого века, а прежде эти земли считались вообще непригодными для жизни человека и были местом ссылки, а также убежищем для скрывающихся от правительства людей. В 50-е годы, уже в наше время, в период поднятия целинных земель степь была распахана и превращена в земледельческий район, совсем недавно обводнена системой каналов, несущих сюда воды Днепра.

Конечно, урожаи возросли значительно, но и почва резко меняется, меняется и влажностный режим большого региона. Неизбежны засоление и эрозия почв — спутники поливного земледелия.

Наша заповедная степь — это своеобразная лаборатория, где долгосрочный эксперимент поставлен самой природой, а мы должны изучать его результаты и сравнивать с тем, что происходит на пяти миллионах гектаров орошаемых земель, чтобы предвидеть и предупредить все нежелательные последствия.

...Уже возвращаясь из Аскании-Нова, я заметил памятник у дороги: на бетонном постаменте установлен скрепер — машина для рытья земли, употребляемая обычно при строительстве каналов. «Памятник в честь мелиораторов»,— пояснил водитель.

Вдоль асфальта, бегущего по всем направлениям,— плакучие ивы, слева уже колосится пшеница озимая, справа — яркие зеленя яровой, дальше рожь, поле под парами, потом подсолнечник, обширный виноградник...

Оазис может быть только в пустыне, но где же пустыня? И что здесь оазис? Я оглянулся, чтобы бросить последний взгляд на Асканию-Нова, на последний клочок ковыльной степи. Какое! Все было зеленым... и подумалось: «Как часто мы отождествляем, даже путаем коллективный трудовой подвиг с техническими возможностями... Нет, не мелиораторам, прокладывавшим эти каналы под пронизывающими зимними ветрами и палящим летним солнцем, поставлен этот памятник, а машине».

Уже дома, работая над этим очерком, выяснил, что слово «оазис» (я заглянул в словарь) имеет еще одно толкование: «место, явление или событие, представляющее отрадное исключение». Аскания-Нова — это и место, и явление, и событие. Добавим: и надежда...

ЗООПАРК Н

Здесь не Сахара, однако миражи — явление обыденное, настолько накаляется воздух, а сам поселок Аскания-Нова называют степным оазисом благодаря ботаническому парку, посаженному еще в прошлом веке среди безводной, а потому и абсолютно безлесной степи.

Асканийский зоопарк — это большой участок степи, огороженный сеткой и разделенный на загоны, столь обширные, что их так и назвать-то неловко: участок в 1550 гектаров — какой же это загон? Все равно, что владелец дворца называл бы его жилплощадью. Но суть не в названии, а в методе вольного и полувольного содержания животных.

Вместе с заместителем директора института П. С. Голованевым и научными сотрудниками зоопарка Н. П. Крыловым и Н. В. Лобановым мы объехали все загоны на конном тарантасе. Подъезжали почти вплотную к стаду невозмутимых бизонов, наблюдали смешанное стадо антилоп: индийских нильгау и африканских канн, они сдружились и пасутся вместе. А вот африканские антилопы гну, животные свирепые, с неуравновешенным характером, держатся особняком, и в нашу сторону они бодливо клонили косматые головы, возмущенно взбрыкивали. Южноамериканские верблюды — ламы, те проявляли врожденное любопытство и подолгу бежали за тарантасом настолько близко, что пытались в него заглянуть, а зебры, напротив, постоянно отбегали, но без паники, просто держали нас на дистанции.

Мне объяснили, что животные эти не ручные, и поведение их, и уклад жизни, и взаимоотношения в стаде сохраняются точно такими же, как если бы они жили на воле, а это очень важно по многим причинам. В обычных зоопарках, лишенные возможности передвигаться по большим пространствам, животные быстро хиреют, ведь в организме их происходят необратимые процессы деградации, они и живут от этого меньше. Выпустить их на волю для восстановления популяции вида в естественных условиях нельзя, они погибнут, поскольку уже не смогут обходиться без помощи человека и утратили все необходимые для выживания дикого животного навыки. И еще, если появление потомства в обычных зоопарках у многих животных явление редкое, а то и исключительное, то в Аскании-Нова это процесс естественный, закономерный и обязательный.

Ламы очень любопытны * Шотландские пони мирно уживаются и с домашней лошадью, и с дикой * Одни из самых грациозных пернатых — розовые фламинго * Житель африканских саванн — антилопа канна * Нелегко рассмешить страуса...

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: У павлина брачный период * Зебру узнает каждый * Бизоны: мама и теленок * Африканский крупный рогатый скот ватусси * Каменная баба «помнит» времена, когда здесь паслись стада туров и тарпанов * Уроженцы далекой Австралии черные лебеди регулярно выводят потомство в Аскании-Нова.

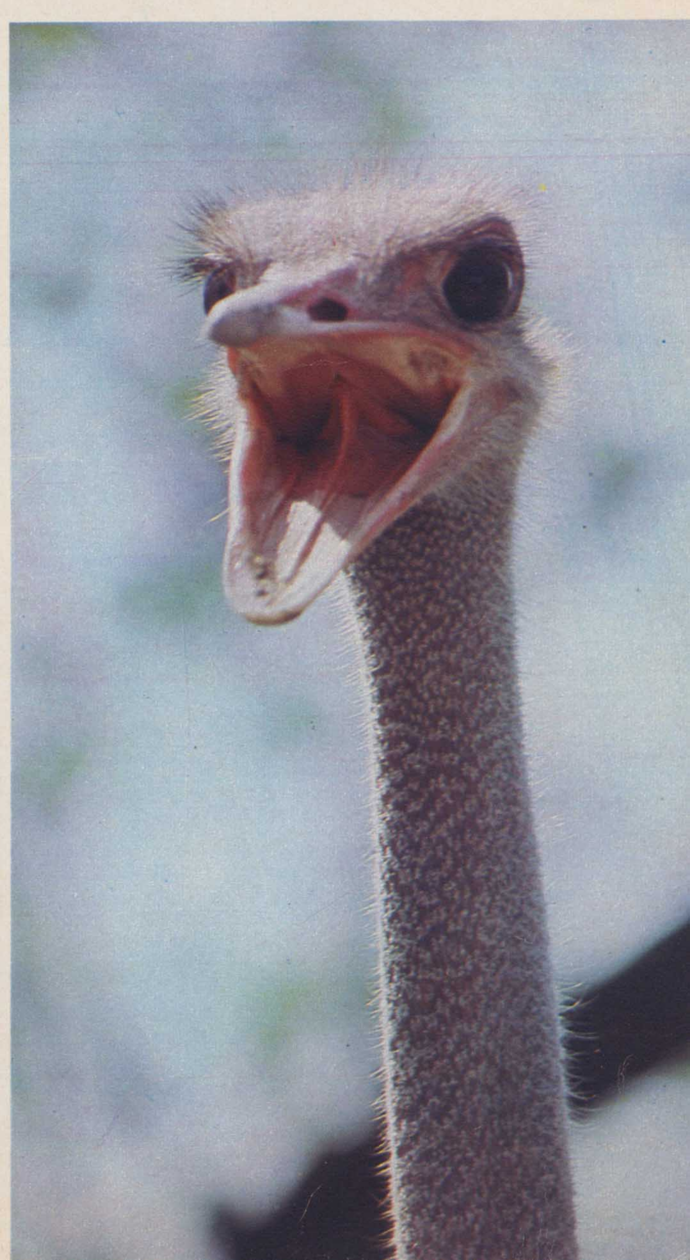

А ВОЛЕ

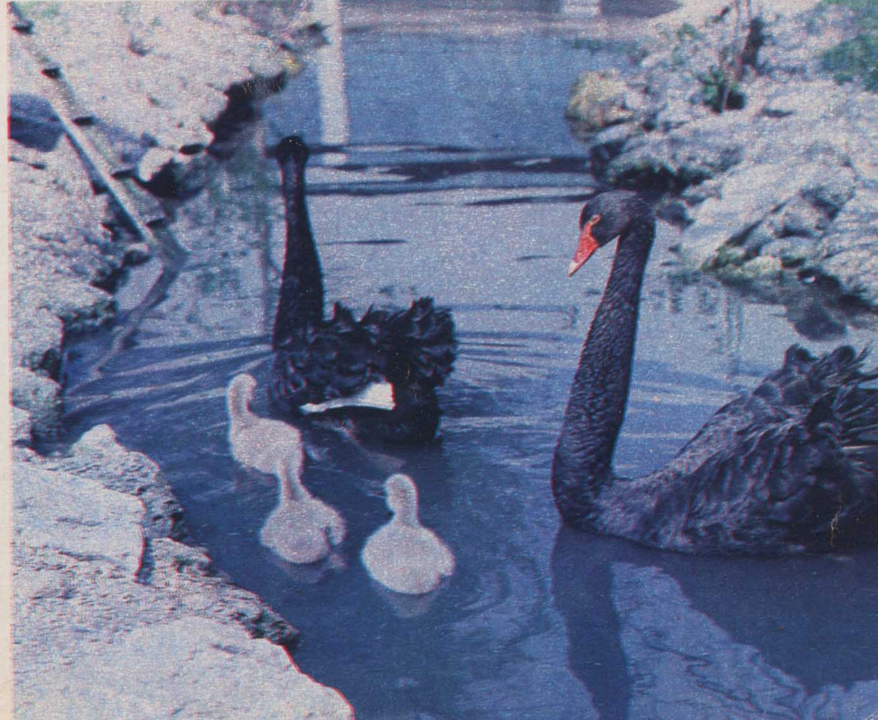

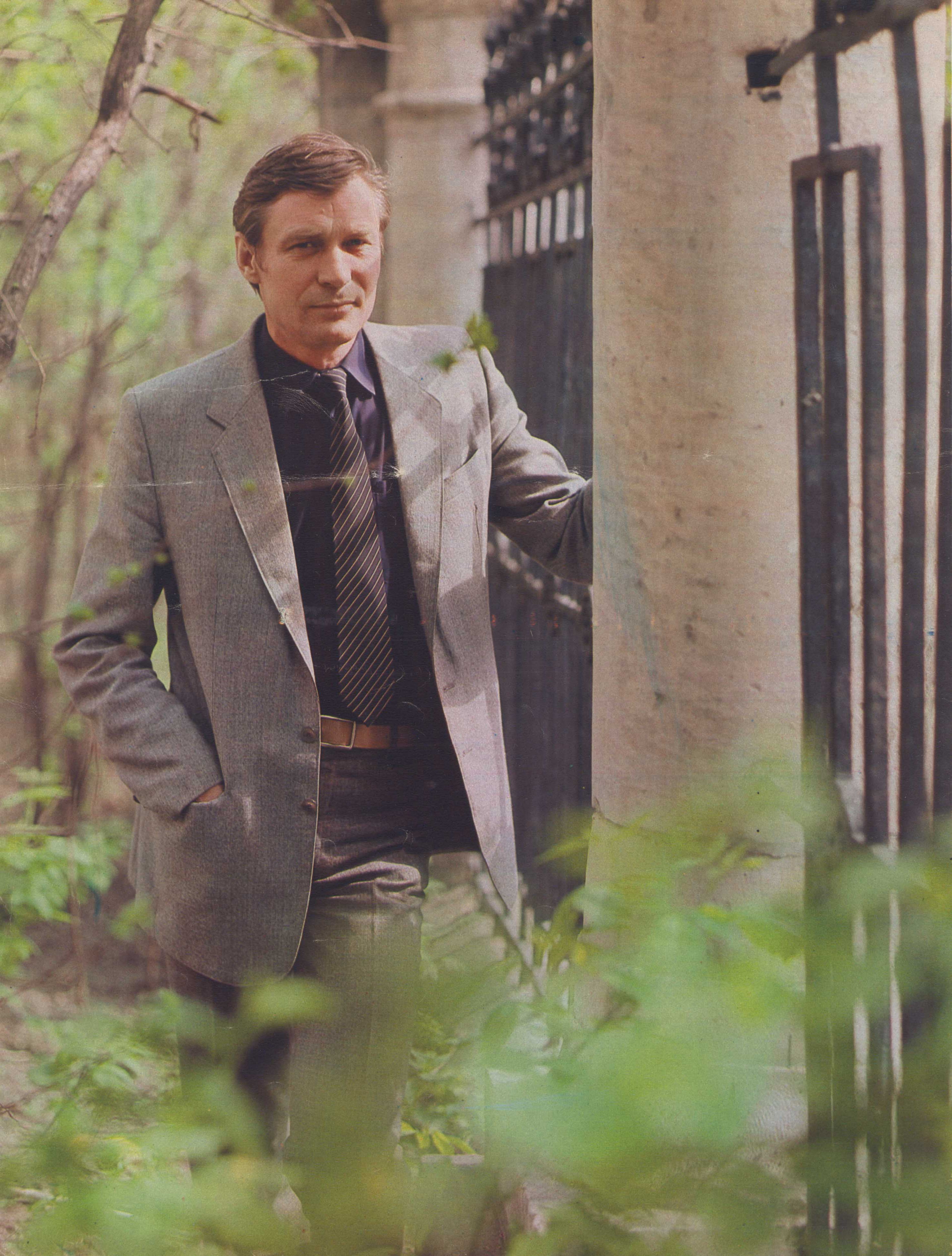

Н. АЛЕКСЕЕВА

Несмотря на успех...

Размышляя о кинематографической судьбе Александра Михайлова, хочется посетовать на то, что актер до сих пор (это мое твердое убеждение) не встретил своего режиссера. Десятки киноролей, но среди них по пальцам перечесть те, которые запали в зрительскую душу, о которых он сам хочет вспоминать, говорить. Но нет в том вины Михайлова — актера цельного и многопланового, мужественного и лиричного, сдержанного и темпераментного... Не встретился, повторяю, режиссер, который в полной мере бы понял и оценил природу его дарования и смог бы находить из фильма в фильм достойное драматургическое и постановочное его применение (как это, скажем, произошло у Олега Янковского с режиссером М. Захаровым, а позднее и Р. Балаяном). Тогда ярче мог бы светиться талант... Да, подобные чудеса происходят, и никому дотоле не известный молодой актер вдруг назавтра после премьеры просыпается знаменитым. Его приглашают сниматься, присылают новые и новые сценарии, он уже может выбирать... О, эта извечная, но часто несбыточная мечта актера — иметь право выбора! Не его выбирают, а он. Не он зависим, а...

Ну, да спустимся на землю. Михайлову, как и многим его коллегам, особенно делающим первые шаги, в основном приходилось играть то, что предлагали. Но постепенно выстроился длинный и притом весьма не однозначный ряд фильмов: «Это сильнее меня», «Дожить до рассвета», «Приезжая», «Обретешь в бою», «Через тернии к звездам», «Белый ворон», «Фронт в тылу врага», «Победа», «Любовь и голуби», «Змеелов» и другие. Михайлов не жалеет, что много снимался, так как убежден, что качество достигается и количеством сыгранных ролей: ведь актер находится в постоянном тренаже. Какие бы ни встречались характеры — пусть изначально схематичные, бесцветные,— для целеустремленного актера они все любопытны, он-то постарается их углубить и развить...

А уж если предлагалась интересная, сложная роль, Михайлов готов был «биться» над ней, словно она его последняя. Не допуская самоуспокоенности и не давая расслабляться и себе, и своему герою. Редким нынче качеством обладает этот актер: способностью сообщить зрителю предчувствие непредвиденного, передать ощущение какого-то внутреннего недовольства, беспокойства героя, такого душевного напряжения, которое должно непременно вырваться наружу, и тогда... Вот этой кульминации зритель безотчетно ждет, когда на экране появляется Александр Михайлов.

Вспомним фильм «Мужики!» (режиссер И. Бабич), где Михайлов играет Павла Зубова, приехавшего с севера в родную деревню и впервые узнавшего о существовании дочери... Перед нами человек сильный, это мы видим сразу, но сила, как выясняется, тут словно защитный слой, под которым спрятана душа уязвимая, гордая, в чем-то эгоистичная, но и неравнодушная, отзывчивая на чужую боль. Это внутреннее противоречие и рождает то самое душевное брожение, выхода которому так ждет зритель. И какое же настает облегчение, как светла радость, когда наконец Павел после мучительных сомнений находит единственно верное решение (он усыновляет сразу трех осиротевших детей). Его герой заставляет сопереживать еще и потому, что он вовсе не картинен, не риторичен в своем самоотречении. Он безыскусен и прост, даже ход его мыслей нам ясен... Да, Михайлов предельно достоверен, и тем не менее его искусство именно «выводит из себя», а не просто доставляет удовольствие. Это тайна истинного мастера. Без нее актеру нельзя. Без нее быть актером нельзя. И нет смысла, бесполезно пытаться эту тайну препарировать.

Только осмелюсь заметить: то общее, что объединяет большинство образов, созданных актером, присуще и самому Александру Михайлову,— человеческая надежность и искренность, стойкость, чувство справедливости и чести. И это несмотря на его утверждение, что не любит играть самого себя, а любит характерные роли, что ему любопытны характеры непохожие, например, более открытые (а Михайлов сам не очень-то контактный человек) или более жизнерадостные (а в жизни он кажется серьезен и задумчив) и так далее.

И тем не менее все равно существует тот единый, роднящий всех его лучших героев нравственный стержень, благодаря которому они узнаваемы. Не схожи, а узнаваемы. Ибо в них неизбежно присутствует и личность актера, яркая индивидуальность. Тут, конечно, пора рассказать об ее истоках, берущих начало — вместе с началом жизни Михайлова — в небольшом забайкальском поселке. Саша с детства мечтал о море, тогда как в поселке не было и речки, только озерцо под названием Переплюйка. Подросток упросил мать переехать во Владивосток и после окончания семи классов поступил в ремесленное училище (для поступления в «мореходку» ему не хватало одного года). Училище находилось на берегу моря, и он мог часами стоять на скале, мечтая навсегда связать свою жизнь с океаном. После окончания училища Саша уговорил капитана дизель-электрохода «Ярославль» взять его учеником моториста. Почти два года он проплавал, но после одной катастрофы, которую с трудом пережила мать, был вынужден списаться на берег — по ее просьбе. Но вот Михайлов однажды попал на спектакль дипломников Дальневосточного института искусств. Шел «Иванов». В театре он бывал и раньше, но в тот вечер буквально заболел спектаклем, потрясенный его искренностью. В тот вечер он прощался с Тихим океаном... Но в душе надолго поселилась ностальгия по тем славным мужественным людям, с кем приходилось вместе плавать, делить и опасности; по тем неподдельным простоте, целомудрию и правдивости взаимоотношений, когда не надо было остерегаться ни лицемерия, ни зависти...

В институт он поступил в 1965 году. Ему был 21 год. Его отчисляли с каждого семестра, полагая непригодным к актерскому делу. Но он оставался — благодаря усилиям педагога Веры Николаевны Сундуковой. Она раньше всех смогла кое-что разглядеть в этом стеснительном, малоразговорчивом пареньке, который раскрылся только на третьем курсе — в отрывке из «Поднятой целины», где играл Макара Нагульнова.

Театральную судьбу Александра Михайлова можно считать удачнее кинематографической. В самом деле, куда уж удачнее, если первой же его ролью на сцене Владивостокского краевого драмтеатра стал Раскольников. Хотя, с другой стороны, испытание почти непосильное для дебютанта. Михайлов бесстрашно и самоотверженно бросился преодолевать сей актерский «девятый вал». Он сыграл Раскольникова, но это обернулось серьезным нервным истощением. Потом был и князь Мышкин в Саратовском театре имени К. Маркса, где артист проработал около десяти лет и где впервые получил приглашение сниматься. После картины «Белый снег России», в которой Михайлов создал противоречивый, трагический образ великого шахматиста Алехина, он был приглашен в Московский театр имени Ермоловой. А год назад перешел из него вместе с главным режиссером Владимиром Андреевым в Малый.

«Театр никогда не умрет, потому что нет ничего прекраснее живого дыхания актера»— эти слова я услышала от Михайлова. Они вспомнились мне на спектакле театра Ермоловой «Дядя Ваня», где артист продолжает играть роль Астрова. В исполнении Михайлова он русский богатырь духа со своей собственной философией. Доктор, конечно, произносит в начале спектакля, что никого и ничего не любит, но это лишь слова,— ему как раз очень хочется любви, он остро нуждается в ней, а чувства его никому не нужны. Иных окружающих даже пугает их затаенная огромность, нерастраченность. И в сцене «загула» Астрова актер недвусмысленно дает это понять, ибо и в бурной его пляске, и в страстном пении романса — неодолимая тоска по красоте, по чистоте. И надежда... Но вот михайловский Астров в очередной раз прозревает, обнаруживая всю бесполезность своих душевных усилий, например, в сцене, где рассказывает о грандиозных делах и задумках Елене Андреевне и замечает, что ей неинтересно. Актер не изображает на лице ядовитой усмешки или презрения, не становится в позу,— просто как будто в одно мгновение гаснет свет в его глазах, а движения из мальчишески порывистых, взволнованно неловких становятся ленивыми, усталыми, какими-то привычными. И руки почти нехотя, заученно обнимают талию женщины, которую только что почти боготворил.

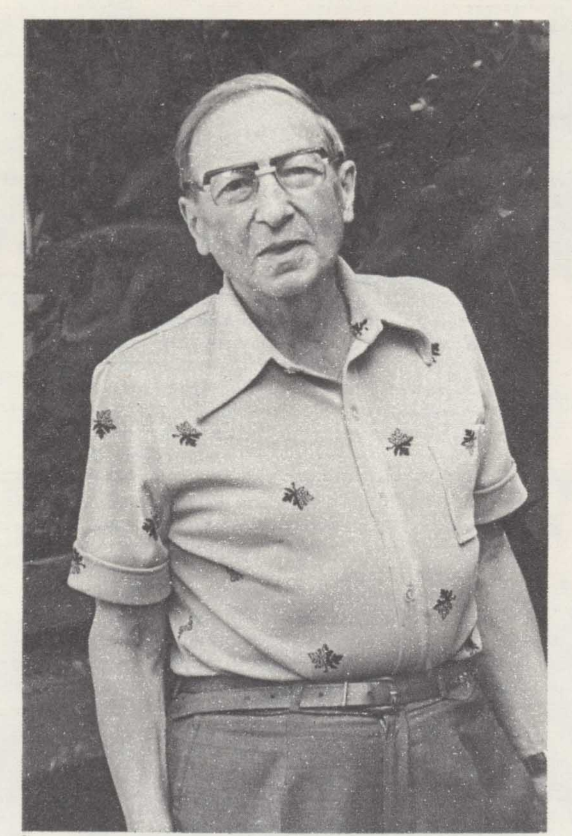
Уж коли тут речь зашла о движениях актера, отмечу, что Михайлов придает большое значение пластике (недаром, работая актером в саратовском театре, он организовал в местном университете театр пантомимы и руководил им несколько лет). Он убежден, что от внешнего тоже можно прийти к характеру, образу. Нынче не очень многие актеры заботятся о точном физическом воплощении, полагая, что это успешно заменяется «жизнью человеческого духа». Конечно, в том немалая «заслуга» телевидения, порою слишком эксплуатирующего крупные планы, то есть глаза и мимику актера, нимало не заботясь о чем-либо другом. Но с каким — полузабытым — удовольствием смотрится постановка, если пластичному актеру, умеющему двигаться, предоставлена такая возможность... Как это было совсем недавно в фильме-спектакле «На бойком месте» по Островскому, где Михайлов играл роль Миловидова. Тут внутренняя лихость и удальство гармонично сочетались с внешней раскованностью и непринужденностью, балагурство — с благородством, трепетная нежность — с цинизмом. Это был Миловидов, отталкивающий и обаятельный одновременно. И к тому же абсолютно понятный нам, сегодняшним.

«Что значит быть современным? — переспросил меня Александр Яковлевич.— Во все времена это означает не терять души, доброты и совестливости. Сохранять способность воспринимать чужую боль как свою. Стремиться к самосовершенствованию... Никакой самоуспокоенности...»

Что касается самого Михайлова,— он из тех, кто к себе беспощаден, кто склонен к сомнениям. Заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола, он терзается мыслью, верный ли путь выбрал, нужен ли кому-нибудь его труд, оправдано ли существование.

И особенно усиливаются эти терзания, когда, например, понимает, что снялся в весьма посредственном фильме. («Бывает стыдно не только перед зрителем, но и перед самим собой».) Вот сейчас Михайлов приглашен на съемки сразу нескольких фильмов. Кто знает, может быть, здесь, в одном из них, артист все-таки встретит своего режиссера. Того умного, тонкого, единственного, после работы с которым уже не станет, как обычно, говорить в своих интервью: «Я еще жду любимой роли». Нам, зрителям, этого очень бы хотелось.

Заслуженный артист РСФСР Александр Михайлов. Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

опаской. А мы должны учиться у прошлого, познавать его. Это, конечно же, касается и литературы. Как легко подчас мы предаем забвению события, обстоятельства, имена! То, что было когда-то частью нашей культуры, символом наших достижений. Я уверен, что далеко не все молодые писатели знают сегодня творчество Юрия Олеши, например, или Бабеля. Когда я однажды спросил у Всеволода Иванова, кто, по его мнению, самый лучший наш писатель, он ответил, что Бабель. Из его уст я впервые услышал это имя, и наше поколение помнит его и ценит. Мы совсем забыли об Иване Катаеве, тонком стилисте, чутко понимавшем природу и писавшем о ней с тургеневской глубиной.

Многие писатели двадцатых годов, к которым принадлежу и я, ушли из жизни. Я, быть может, как говорится, последний из могикан. Наше поколение было полным энергии, жизненной силы, дремавшей дотоле в человеке и разбуженной революцией.

Но на моих глазах ушли из жизни и писатели другого поколения, мои друзья, творчество которых близко и дорого: Владимир Тендряков, Алексей Арбузов, Юрий Трифонов... Они очень разные, и каждый по-своему выразил и себя, и время. Насколько смогли и насколько успели.

— А если я спрошу вас сейчас, Вениамин Александрович, как вы когда-то спросили Всеволода Иванова: кто, по-вашему, сегодня самый лучший наш писатель? Впрочем, я понимаю, что вопрос звучит слишком категорично, рискованно, и хочу поставить его по-иному: кто вам близок, кого вы наиболее цените в современной литературе?

— Конечно, только время может все расставить по своим местам. Объективно и точно. Я убеждался в этом неоднократно. Купив однажды несколько томов некрасовского «Современника», я с изумлением обнаружил, что шедевр русской словесности, рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч», напечатан в разделе «Смесь». Полистав альманах Смирдина «Сто русских литераторов», я понял, что Смирдин обладал, быть может, демократическим, но неглубоким вкусом, иначе он не поставил бы на первое место в альманахе Сенковского-Брамбеуса, а по достоинству отдал бы это место Пушкину. Но история расставила все по справедливости.

Я ведь не только беллетрист, прозаик, я получил хорошее историко-литературное образование. Отсюда, наверное, и довольно обширен круг писателей, которых я люблю, хотя многие очень далеки от моей манеры. Считаю, что один из лучших сегодня—Василь Быков. Он так ярко, так энергично, с таким мастерством пишет о войне, что максимальным становится при этом эффект читательского присутствия.

— А что вообще вы думаете о современной литературе, о молодых писателях? Какими путями нужно бороться с застоем в искусстве, с серостью? Не кажется ли вам, что само понятие «литератор» несколько девальвировано, уценено?

— Наша сегодняшняя проза порой оказывается весьма поверхностной по содержанию, она не всегда затрагивает глубокие нравственные проблемы, она глуха и слепа ко многому, о чем надо кричать, говорить вслух. Многие берутся за темы мелкие, легковесные, банальные. Отсюда и недостаточность отражения всей панорамы, всей целостной картины нашей жизни. А фактов, заслуживающих пристального внимания писателя, предостаточно. Оставаться к ним равнодушным, безразличным — для литератора непростительная ошибка. Если он боится трудностей, связанных с художественным воспроизведением конкретных фактов, значит, он не писатель. Ведь литература — это дело всей жизни взявшегося за перо, а не дело его заработка или карьеры. Литература—это гражданский подвиг.

Сегодняшний литератор должен иметь зоркий взгляд на происходящее вокруг после провозглашенных XXVII съездом КПСС идей новизны и преобразования всей нашей жизни. Он должен чувствовать, что, с его точки зрения, происходит в обществе. Он должен ответить на вопросы, которые всегда волновали отечественную словесность: как жить, как быть дальше, как найти мужество, чтобы не упрекать себя в холодности к другому человеку, в малодушии. Как найти выход к добру, к благому поступку. Ведь идеи самопожертвования, понятия долга, благородства, чести не абстрактные понятия. Каждый прожитый день говорит именно об этом.

По мере возможности я слежу за текущим литературным процессом и делаю для себя вывод: многие торопятся писать. А ведь в писательском деле главное — не торопиться, не спешить. Почему же торопятся? Потому что жаждут славы, хотят быть знаменитыми. Кстати, именно эта черта в литературе последних лет меня особенно огорчает. Ведь чем стремительнее молодой литератор хочет добиться признания, тем больше пройдет времени, прежде чем он его добьется.

Был у меня однажды в гостях молодой человек, который успел написать пять романов и пятьсот рассказов. Когда я прочитал кое-что из его сочинений, я понял, что торопится он зря. Спешить ему некуда. Другой подкупил поначалу не только своими хорошими очерками, но и своей профессией — он верхолаз. Эта работа, опасная и нелегкая, дает ему время для творчества. Потом он принес рассказы, и один из них мне пришелся по душе. Показалось, что мой подопечный делает хотя и неуверенные, но успехи. И вдруг он принес на прочтение солидный роман о Наполеоне Бонапарте, роман беглый, поверхностный, торопливый. Как раз перед этим я прочитал одно большое исследование, вышедшее в Англии и посвященное предполагаемому убийце французского императора. Книга эта, написанная на конкретном фактическом материале, была очень убедительной. И, конечно же, резким контрастом по своему документальному материалу и художественным достоинствам выглядело сочинение моего знакомого. Я сказал ему об этом. Свой роман тем не менее он пытается пристроить в какой-либо журнал. Пока это не удается. Я сделал вывод: молодой человек верит только в себя и только себе. Даже больше: он слишком о себе высокого мнения. И слишком спешит.

А вообще таланты есть. Ко мне часто обращаются начинающие литераторы за советом, и я с удовольствием вожусь с ними. Никому не отказываю в помощи и горжусь этим. Буквально вчера приезжала молодая писательница На-

ВГЛЯДЕТЬСЯ В ПР
ПОНЯТЬ БУ

Беседа с В. А. Кавериным проходила в день его 84-летия. Время летит стремительно, и годы берут свое. Не так давно он тяжело болел. Перенес утрату жены и друга Л. Н. Тыняновой. Врачи запретили публичные выступления, дальние поездки из Переделкина, где постоянно живет Вениамин Александрович. Но работа не прекращается. Публикуются новые произведения: рассказы, повести, романы, эссе, издано восьмитомное собрание сочинений.

О многом хотелось поговорить в этот вечер со старейшим советским писателем, лауреатом Государственной премии СССР.

— Вениамин Александрович, вы прожили большую, яркую жизнь, на ваших глазах совершались величайшие события XX века и самое главное из них — Октябрьская революция. Но время неумолимо, и уходят из жизни те, кто «на плечах своих вынес эпоху». А вместе с ними уходит и часть истории. Что вы думаете о прошлом, как оцениваете свою жизнь?

— Вы знаете, именно об этом я думаю и пишу все последние годы, ведь вопрос этот касается всей моей жизни. Начиная с книги «Освещенные окна», в которой я постарался вспомнить детство и юность, я ощущаю необходимость вглядеться в прошлое, понять, что сделано и чего не сделано в жизни. Все мы испытываем стремительность потока истории. Для людей моего возраста это особенно ощутимо. В сущности, лично для меня каждый сегодня прожитый день — история, каждый полон каким-то глубинным смыслом. Мы не задумываемся о том, что любой из нас не случайный гость мироздания, а звено великой непрерывной цепи бытия. И в этом смысле все мы творцы истории. Да, да, каждый по-своему, но каждый! Всем нам, писателям или неписателям, надо обладать историческим взглядом. Мы должны понимать, что над нами — знак истории, что мы не только от нее в зависимости, но и ее творцы.

— Чехов как-то заметил, что для жизни в настоящем надо искупить прошлое, а для этого надо его знать.

— Вот именно! Знание истории помогает избежать многих негативных явлений быстротекущей современности. Что греха таить, мы часто забываем об уроках прошлого, без которого нет движения вперед. Оглядываемся на него с

талья Поликарпова, написавшая хороший рассказ. Талантливо работает Владимир Савченко, создавший роман о Чернышевском. Это мой ученик. Он сумел осилить труднейший исторический материал и привнести в облик великого революционера и писателя новые черты. Удивили своей оригинальностью произведения Михаила Орлова из Томска. Его мало кто знает. Он привлек разносторонностью своих интересов, формой повествования и, наконец, тем, что он не только хороший прозаик, но и поэт. Мы общаемся с ним, я с удовольствием ему помогаю, некоторые его вещи одобрены в редакциях и приняты к печати. Думается, что он пробьется и найдет себя в литературе.

— А не слишком ли многие стремятся сегодня занять свое место «под солнцем искусства»? Всеобщая грамотность, литературная подкованность — это, конечно, хорошо, но откуда идет поток серятины, бездарщины, который заполонил наши печатные органы? Или я сужу слишком резко?

— Я отношусь к этому несколько иначе. Да, пишут многие и, думается мне, будут писать и дальше. Трагедия в том, что большинству писательское дело кажется легким, доступным. На самом же деле это тяжелый и мучительный труд, который медленно вытягивает из тебя все жилы, выворачивает душу.

— Члены литературной группы «Серапионовы братья» при встречах говорили друг другу: «Здравствуй, брат! Писать очень трудно». Это история нашей советской литературы, а я хочу спросить: так ли трудно вам писать сегодня?

ОШЛОЕ,
ДУЩЕЕ

— Еще труднее. Почему? Причины разные. Я ведь пишу не только чистую прозу. Во время войны я написал целую книгу передовых статей. Верный ученик Тынянова, я считаю, что литератор должен уметь писать все. Как Пушкин, который писал и романы, и повести, и исторические исследования, и статьи. В молодости я тоже торопился. У меня, например, есть роман «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», который был написан за полгода. Тогдашней энергии мне хватало на то, чтобы ходить за своим будущим героем буквально по пятам и записывать все его поступки и выходки, его мысли, остроты, афористические высказывания. Он смеялся надо мной. Я краснел, но записывал... Теперь воображение играет в моей работе бóльшую роль, чем наблюдение.

— И все-таки большинство ваших произведений основано на подлинном материале, на конкретных фактах, на наблюдениях. Включая и роман «Два капитана».

— Да, это так, свои романы, повести и рассказы я писал в связи с тем, что происходило в стране, считая современность необходимым ориентиром любой книги, хотя и о далеких временах.

Что кáсается «Двух капитанов», количество изданий которого недавно перевалило за сто, то я до сих пор изумляюсь их успеху, не считая этот роман лучшим своим романом. С точки зрения литературного вкуса, новизны я ценю роман «Перед зеркалом». Но время, дистанция, читательский интерес кладут меня в этом смысле на обе лопатки. За роман «Два капитана» я получил Государственную премию СССР, он постоянно издается у нас в стране и за рубежом. Не хочу показаться хвастливым, но любопытных фактов, касающихся как бы новой жизни самого романа и его героев, я могу привести предостаточно. В моем родном Пскове решили воздвигнуть памятник Сане и Кате. Полярники Крайнего Севера изготовили специальную памятку о романе и его авторе и вручают ее всем обладателям книги. Роман много раз экранизировался, инсценировался. Меня даже наградили знаком «Почетный полярник», и регулярно представители учреждений, обслуживающих Север, привозят мне десятки экземпляров книги с тем, чтобы я надписывал на них автографы. Конечно же, меня радует такой устойчивый интерес к роману «Два капитана». Он чем-то затронул сердца людей, я знаю, что многие, прочитав его, смело шли осваивать суровые северные края.

Я понимаю, что успех этот не вечен, но именно сегодня он придает мне новые силы.

Мы заговорили о том, что параллельно с литературой, аккумулирующей глубины народной жизни, постепенно развивалась, набрала силу, и немалую, литература холодная, равнодушная, подчас циничная, карьеристская, спекулирующая на идеях времени, с одной стороны, и на потребительском сознании — с другой. Отсюда в литературе появились понятия «запретных зон», «быть вне критики». Я заметил Вениамину Александровичу, что он в этом смысле никогда не был вне зоны критических оценок.

— В этом смысле я действительно был всегда на коне,— шутит писатель.— Ведь меня частенько поругивали в печати. Но еще Максим Горький написал мне когда-то о том, что неважно, хвалят тебя или ругают. Художнику это должно быть безразлично. И все-таки замечу, что некоторые публикации, посвященные роману «Открытая книга», задержали ее выход на несколько лет. Но были и статьи, которые по-настоящему помогли в работе. Особенно статья покойного ныне молодого критика Хмельницкого.

Я узнал, что скоро в издательстве «Советский писатель» появится книга о жизни и творчестве В. Каверина. Ее авторы В. и О. Новиковы сумели обнаружить в творчестве писателя связующую все его произведения ниточку романтизма, доброй волшебной сказки. Независимо от того, реальный или выдуманный факт положен в основу того или иного произведения.

Заговорили о реформе школьных программ. Писатель уже выступал в печати по этому взволновавшему его вопросу.

— Когда я познакомился с новыми программами по литературе для школы,— сетовал Вениамин Александрович,— я прямо-таки заболел. Меня всего трясло. Разве можно так издеваться над литературой! Неужели некоторым деятелям непонятно, что литература — это живое существо и отрывать от нее часть Достоевского, Толстого или Кольцова — это отрывать от живого.

Коснулись волнующих сегодня многих проблем московского градостроительства, сохранения древнего лика столицы. В. Каверин — давний москвич и хорошо знает ее. Долгие годы он жил в Замоскворечье, в Лаврушинском переулке, по соседству с Третьяковской галереей.

— Хорошо, что сейчас идет большая реконструкция уникальной художественной зоны,— сказал мой собеседник,— но и здесь еще много проблем.

В. Каверин говорит о том, что многие-многие писатели не удостоены еще мемориальных досок, что тем самым мы недооцениваем их значения в нашей духовной жизни, забываем о них. Пора, например, установить мемориальную доску на доме, где жила, приезжая в Москву из Ленинграда, Анна Андреевна Ахматова. «Это здесь рядом, тоже в Замоскворечье»,— говорит Вениамин Александрович. И он поведал мне историю о том, как в день семидесятипятилетия к нему приехали секретари правления СП СССР и поинтересовались, не нуждается ли он в какой-либо помощи. Писатель поблагодарил и сказал, что нет, не нуждается, но у него есть одна просьба: установить памятную доску на Греческом проспекте в Ленинграде, где жил Юрий Тынянов. Вскоре эта просьба была удовлетворена. Известному советскому писателю, литературоведу, ученому, о котором много писал В. Каверин, было воздано должное.

В связи с предстоящим VIII съездом Союза советских писателей меня интересовали некоторые вопросы, касающиеся профессионального труда литератора. Но вначале я поинтересовался воспоминаниями старейшего советского писателя о Первом съезде СП СССР. Вениамин Александрович рассказывал о Максиме Горьком, своем учителе, об атмосфере того памятного форума, а потом сказал:

— Хотите откровенно: Первый съезд был самым писательским съездом от начала до конца. На нем действительно решались только творческие писательские проблемы. Но на некоторых наших съездах много времени уделялось вопросам, имеющим к литературе отдаленное отношение. Догматизм, уход в сторону от насущных вопросов конкретной профессии, конкретного ремесла всегда вредит.

— Как мастер слова, много лет отдавший писательскому ремеслу, о каких наблюдениях вы могли бы рассказать молодым литераторам?

— Вот одно из наблюдений: я понял, что весьма часто хороший писатель — это и хороший человек. Нравственная и личная позиции здесь полностью совпадают. Это видно и по произведениям таких, например, писателей, как Александр Крон. Прямой, честный, справедливый человек и в жизни, и в литературе. Замечательным человеком был Константин Паустовский. Благородным, простым и отзывчивым был Владимир Тендряков. Я не знал лично Михаила Булгакова, но впоследствии очень много слышал о нем, сделал, что мог, для восстановления его имени в литературе, и пришел к выводу, что это был также по-настоящему хороший человек.

— Вениамин Александрович, есть ли факторы, которые влияют на ваш труд, стимулируют творческий процесс?

— Есть: музыка! Хотя я сам из музыкальной семьи, но долго был далек от музыки. Увлекался живописью, которая и сейчас остается моим хобби. Собираю картины, бываю на выставках. Но главным действующим двигателем, пронизывающим все сознание и вдохновляющим меня сегодня, является музыка. Довольно хорошо я знаю классическую и современную музыку, слежу за молодыми именами.

— Что вы сейчас читаете и что советуете читать начинающим литераторам?

— Сейчас и все последнее время перечитываю Льва Толстого. Почему потянуло на Толстого? Я по-прежнему учусь писать, и более тонкого и смелого учителя я не знаю. Дело не в подражании, дело в умении остаться самим собой. Именно сейчас я оценил ту жертву, которую он принес, в конце концов отказавшись от литературы. Он многому меня научил. Я читаю его как мастера прозы, и мне интересно наблюдать его искусство, понять его подлинное значение во все времена. Я поражаюсь, как сумел Толстой показать в романе «Воскресение» все государственное устройство тогдашней России. Недаром Ленин назвал его «зеркалом русской революции». Теперь я особенно понимаю, как он был прав.

К великому сожалению я наблюдаю, что писатель без библиотеки в наше время — явление обыкновенное. Незнание собственной литературы — факт, довольно распространенный среди молодых. Это идет от непонимания той простой истины, что каждое новое поколение продолжает, а не начинает литературу. Поэтому мой совет: читать как можно больше.

— Как вы пишете, в какие часы, есть ли определенная норма?

— Пишу каждый день всю жизнь. Кроме того времени, когда с женой мы ездили или по нашей стране, или за границу. С утра сажусь за работу, пишу, а во второй половине дня, после отдыха, отвечаю на письма, их приходит много, читаю, назначаю деловые встречи. Пишу от руки, а письма диктую. У меня сохранился богатый архив. Целая стена папок, записных книжек. Пойдемте, я вам его покажу.

Пока мы переходили из комнаты в комнату, я спросил Вениамина Александровича: а сколько всего томов написано им за всю жизнь? Он ответил, что, кроме вышедших восьми, наберется еще томов пять.

Смотрю на полки с архивом. Толстые папки с надписями: «Исполнение желаний», «Перед зеркалом», «Открытая книга», «Письменный стол», «Письма читателей», «Письма писателей»...

— Это варианты и черновики?

— Да, мне всегда казалось, что я мог написать лучше, но бесконечное количество вариантов, заключенных в этих папках, говорит о том, что я не шел в литературу напролом, что я отнюдь не самоуверен.

Расставаясь с писателем, я попросил его передать для публикации в «Огоньке» что-либо из недавно написанного.

— С большим удовольствием,— сказал Вениамин Александрович,— передаю свои новые автобиографические рассказы. А с ними мой искренний привет всем читателям журнала.

**В Переделкине в гостях у В. А. Каверина побывал корреспондент «Огонька» Феликс МЕДВЕДЕВ.
Фото Н. Кочнева**

То, что рассказано на этих страницах, могло произойти с любым человеком, не обладающим даром прозрения — как известно, подобный дар в большей мере характерен для крыс, покидающих обреченный корабль, чем для людей. Маленькие истории, которыми, может быть, заинтересуется читатель, не имеют ничего общего друг с другом, хотя стоит заметить, что их связывает общий, скорее комический, чем трагический, оттенок. Врожденное чувство, что со мной не может случиться ничего плохого, в течение всей жизни не оставляло меня, даже когда возможная катастрофа как бы брала меня за руку и вела за собой. Если вообразить собственную жизнь как книгу, судьба-редактор поместила бы маленькие истории в самом конце, в приложении, которое можно читать или не читать.

В. КАВЕРИН

ОТ СЛУЧАЯ К СЛУЧАЮ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

РАСЧЕТ НА СЛАВУ

Надо вглядываться не в то, что случилось со мной в прежние годы, а в себя теперешнего, и тогда, может быть, удастся понять и прошлое — свое и страны. Но я сомневаюсь в том, что это всматривание помогло мне воспользоваться всем опытом жизни, потому что в том, что я пишу (даже в последние годы), участвует только частица этого опыта. Почему не пишу о своих врагах, как это делал Гейне? О душевных заблуждениях, которые подчас заводили меня очень далеко? О подлецах, притворяющихся порядочными людьми, и о порядочных людях, которые оказываются подлецами?

Двадцатый век внес в нашу литературу беспримерное честолюбие и острую жажду славы, причем это, к сожалению, касается не только литературы. Каждый старается, чтобы о нем узнали все, а все стараются, чтобы о них узнал каждый, не замечая грустного сходства с Бобчинским, который, как известно, просил Хлестакова сказать «всем там вельможам... если этак... придется, то скажите и государю, что... в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский».

Я тоже честолюбив, но никогда не ставил знака равенства между работой и надеждой на славу. Впрочем, это неправда. Одну из моих первых книг я написал не только с надеждой, но и с расчетом на славу. И хотя это была старательная работа, отнявшая у меня почти два года, она не удалась.

Мне было двадцать четыре года. Роман назывался «Девять десятых судьбы». Название случайное, взятое напрокат у какого-то немецкого или французского фильма, а роман... Впрочем, не будем забегать вперед.

Действие его происходит в октябре 1917 года, и, прежде чем приняться за работу, мне необходимо было познакомиться с книгами и статьями, в которых рассказано то, о чем теперь широко известно. Удалось даже познакомиться с мемуарами белогвардейских офицеров, хранившимися в закрытых фондах,—это было нелегкой задачей. И те, и другие оказались весьма интересными сами по себе и упорно не хотели превращаться в роман. Атаковать их с тыла — вот все, что мне оставалось. Придумать фабулу, в которой они играли бы служебную роль. Когда это удалось, я стал думать над фигурой главного героя и решил, что это должен быть человек с запятнанным прошлым. И я решил заставить его искупить это прошлое революционными подвигами с целью растрогать читателя и заодно военно-революционный трибунал, прощающий провокатора, хотя действие происходит в годы, когда провокаторов (даже невольных) расстреливали, а не прощали.

Украсить каждую главу эффектным эпиграфом. Заставить будущую героиню надеть форму прапорщика и с помощью пистолета защищать Временное правительство. Столкнуть героя и героиню, воюющих друг против друга, и заставить его спасти ее — иными словами, невероятное сделать еще более невероятным — вот увлекательная, как мне казалось, задача. Характеры? На характеры не было времени, хотя испытания, которым я подвергал своих героев, могли оставить нетронутыми только манекенов.

Нельзя сказать, что я не видел недостатков романа. Но я считал их несущественными для цели, с которой я писал его, рассчитывая на успех и не представляя себе всю ложность, ничтожество, незаслуженность этого успеха. Зато это прекрасно понимали другие.

Мой строгий учитель Юрий Тынянов, прочитав несколько страниц и наткнувшись на слово «напряженно», сказал с раздражением:

— Вот именно! Все у тебя «напряженно».

Рукопись не полетела через весь стол, как я почему-то однажды написал. Вежливость никогда не изменяла Юрию Николаевичу. О. Д. Форш недаром назвала его «аристократом». Он просто не стал читать книгу, это было для меня суровым приговором.

Федин с горечью написал Горькому: «...читали ли вы в III «Ковше» (он вам послан) Каверина? Что стало с человеком? И — представьте — дальше — еще хуже, а он стойко убежден, что именно **так** нужно!» [1]. И добрый, неизвестно за что полюбивший меня Алексей Максимович ответил: «Каверин? Он — умник, он скоро догадается, что так писать ему не следует, не его дело» [2].

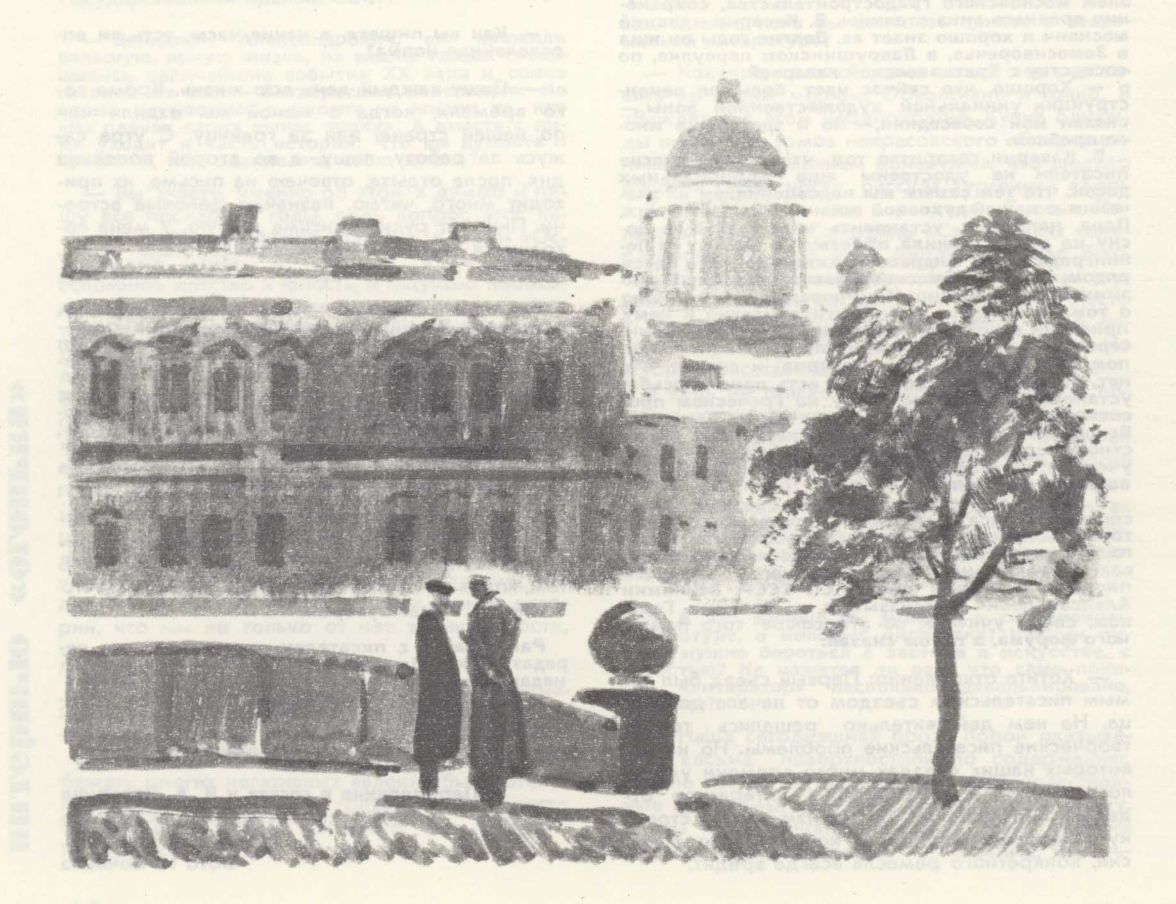
Он не ошибся: больше я так не писал.

В моей жизни были странные поступки, которые я совершал как бы вне своей воли, загадочные (и оставшиеся загадочными), хотя я не раз пытался их объяснить. Об одном из них я рассказал в книге «Освещенные окна»: гимназист второго класса, я нежданно-негаданно стал грозить топором пятилетнему мальчику. Мне почему-то захотелось, чтобы он поверил, что я могу убить его, что он в моей власти.

В середине двадцатых годов мы с Николаем Тихоновым преподавали в Институте истории искусств. Он вел семинар по современной поэзии, я — по современной прозе. Интересуясь работами своих учеников, мы бывали на рефератах — я в его семинаре, он — в моем. Случай, о котором я хочу рассказать, произошел на моем — доклад был посвящен борьбе между сюжетной и орнаментальной прозой. Студенты знали, что я писал роман, и попросили меня рассказать о новой работе.

Любому художнику свойственна надежда на успех, но эта надежда обычно заслоняется скромностью — подлинной или мнимой. Но в том, как я стал рассказывать, не было даже тени этого чувства. Его заменила — трудно поверить — ирония. Нашлось даже остроумие, с которым, к сожалению, я не в ладу. Как назвать этот совершенно несвойственный моему характеру поступок? Раздвоение личности? Самоуничтожение?

Рассказывая фабулу, я с какой-то веселой злобой сказал, что в таком романе белогвардейский офицер (отрицательный герой) непре-

[1] «Литературное наследство», М., 1963, т. 70, стр. 500.
[2] Там же, стр. 503.

менно должен застрелиться, а положительный — искупить свою вину, блестяще выполнив приказ разоружить ударные батальоны.

Нельзя сказать, что я совсем не чувствовал неловкости, воплотившейся в неподвижно-удивленных, неулыбающихся лицах студентов. Но как будто какая-то неведомая сила заставляла меня говорить о собственной книге в том же весело-ироническом ключе, доказывающем, что она написана, в сущности, для внелитературной цели.

Наконец была произнесена последняя фраза. Я взглянул на часы и удивился. Оказалось, что я говорил только десять минут. До конца лекции оставалось еще десять. Вопросов не было. Как по команде, студенты встали и молча разошлись. Мы с Тихоновым остались наедине в аудитории, и он с дружеским упреком спросил меня:

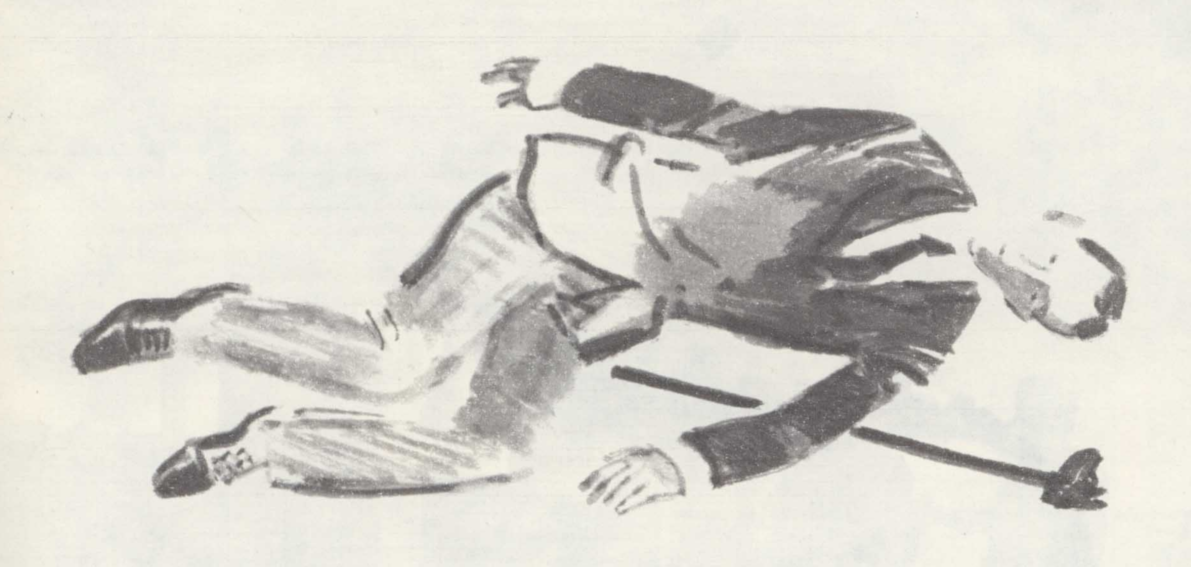
— Что же ты так?

В ту пору мы оба жили на Петроградской и проделывали длинный путь от Исаакиевской площади до Зверинской улицы пешком. И на этот раз, не сговариваясь, пошли пешком. «Астория», Исаакий, Адмиралтейство — о болезни Федина, о недавно опубликованной поэме Сергея Колбасьева «Открытое море»... Но о моей речи ни слова! Ростральные колонны, Пушкинский Дом, Биржевой мост — о «Городах и годах» Федина, о чем угодно. А о моей речи — ни слова. На углу Зверинской и Большого проспекта мы останавливаемся. Завтра он уезжает в Москву. Он обнимает и целует меня — в первый и последний раз в жизни. И дружески похлопывает по плечу. И всетаки хочет что-то сказать. Но не говорит. И мы расстаемся.

...Нерассказанные истории лежат в памяти по пятьдесят лет и постепенно, не торопясь, отравляют жизнь. Один поэт сказал, что каждое «поступить» есть «преступить» чей-то закон — человеческий, божеский или собственный.

Это был день, когда я преступил сам не знаю что — достоинство, честолюбие, гордость?

УЧЕНЫЙ ИЗ КЁЛЬНА

Я не раз был близок к «полной гибели всерьез». Но мне везло, и это соответствовало моей странной уверенности, что непоправимая неудача никогда не омрачит мою счастливую жизнь. Точно такое же чувство я не раз испытывал в годы войны, когда смерть вошла в обиход жизни и, как расточительная хозяйка, не стала заглядывать в инвентарный список своего бесчисленного хозяйства.

Ложь, что смельчаки не боятся смерти; боялся и я, тем более что у меня не было оснований считать себя смельчаком. Я не прятался в бомбоубежище, когда немецкая артиллерия обстреливала Ленинград. Но однажды я всетаки действительно испугался, и так, что, если бы кто-нибудь в эти минуты поднес к моим губам зеркало, он не увидел бы на нем ни малейшего признака дыхания.

В юности Николай Тихонов был моим близким другом. В те годы он занимался английским, читал и перечитывал Киплинга, писал острые, энергичные стихи и еще не был секретарем Правления Союза писателей, председателем Комитета по Ленинским премиям и руководителем других глубокоуважаемых учреждений. Жилистый, худой, краснолицый, как «последний из могикан», он донашивал свою длинную кавалерийскую шинель и был, естественно, демократичен. Мы жили на Большом проспекте, друг против друга, я почти каждый день заходил в его радушный, гостеприимный дом.

Но вот однажды ни его, ни Марии Константиновны не оказалось дома. Высокая, толстая, рыжая девица, пышная, суровая и неразговорчивая, проводила меня в кабинет — столовую — гостиную, где Николая Семеновича ждал еще один посетитель. Кстати, хотя Тихоновы называли девицу Валькирией, у нее, по моему мнению, не было ни малейшего сходства с невидимыми, воздушными, бессмертными существами, решающими судьбы людей. Посетитель ждал Николая Семеновича, очевидно, давно. Он сидел неподвижно-прямо, не опираясь о спинку дивана, положив рядом коричневую шляпу, на его коленях лежала трость с ручкой, изображавшей голову собаки.

Я поздоровался, он почему-то не ответил, и я подумал, что это, должно быть, немецкий турист, о котором Тихонов накануне небрежно упомянул в разговоре.

Прошло минут пятнадцать, я снова сказал несколько ничего не значивших слов и снова не получил ответа.

Валькирия заглянула и сказала, мне показалось, ему, а не мне: «Скоро придут».

Я не мог уйти. Я знал, что Тихонов получил письмо от Горького, в котором было несколько строк обо мне. И я, человек вспыльчивый и нетерпеливый, постепенно стал сердиться — не на Тихонова, а на этого молчаливого, невозмутимого немца. Впрочем, я, может быть, рассердился потому, что мне не удавалось придумать какую-нибудь немецкую фразу, с которой я мог бы к нему обратиться, и это вопреки тому, что не так уж давно я зубрил немецкую грамматику в гимназии и даже прочел перед классом какое-то стихотворение Гейне.

И вот тут и произошло то, что запомнилось мне на всю жизнь. Я быстро встал, подошел к молчаливому немцу и почему-то взялся за трость, лежащую у него на коленях. Почему я поступил так? Помнится, мне вдруг захотелось что-то изменить, как-то нарушить эту неловкую, напряженную тишину, которая установилась между нами, сделать что-нибудь неприличное, невероятное, схватить его за нос или дернуть за ухо. Трость легко отделилась от его колен с каким-то негромким звуком, напоминающим человеческий храп. Он стал медленно подниматься, а потом, не выпуская трость из рук, выпрямился во весь рост и упал на меня.

Вот тогда-то я и испытал чувство ужаса, остановилось сердце, оборвалось дыхание, и невозможность что-то изменить так близко подступила ко мне, что, если бы она была материальной, я мог бы схватить и оттолкнуть ее дрожащими руками. Должно быть, я потерял сознание, потому что, очнувшись, я увидел толстые руки, что-то делающие надо мной, отваливающие от меня непривычную и поэтому страшную тяжесть. Это были руки Валькирии, услышавшей в кухне стук упавшего тела. Моего тела, потому что немец упал на меня бесшумно, и она сняла его с меня легко, как будто он был не человек, а кукла.

Это и была кукла, как она мне объяснила, устраивая «немца» на диване и стараясь придать ему прежнюю позу. Трость она снова положила ему на колени, и снова раздался негромкий шум и всхлип. У Тихоновых не было детей, в просторной квартире оказалась лишняя комната, и они сдали ее художнику Савинову, который и сделал эту куклу. Когда натурщик уходил, Савинов заменял его этой куклой. Не знаю, почему она очутилась у Тихоновых. С помощью несложного механизма, соединенного с тростью, она могла вставать. Куклы разговаривают только в сказках или на телевизионном экране. Не могла говорить и эта.

Прошло несколько дней, и я познакомился с настоящим немцем, который мог вставать без помощи механизма. Это был очень бледный, очень молчаливый, очень высокий человек лет двадцати восьми, ученый-индолог из Кёльна. Он бродил по свету, спасаясь от безнадежной любви. Все в нем как-то не укладывалось в границы обыкновенных понятий, и поэтому о нем было трудно рассказывать без помощи словечка «очень». История его была трогательна. У него не было никаких дел в Советском Союзе, он ничем не интересовался, ни о чем не расспрашивал и, казалось, не видел существенной разницы между Ленинградом, Токио или Пекином. Мы провели у Тихоновых довольно скучный, совершенно несвойственный этому дому чинный вечер. Все говорили, как он, тихими голосами, почему-то об охоте на гренландских китов, а потом о браминах и индийских священных книгах.

Впрочем, немец не столько говорил, сколько пил, преимущественно коньяк, из больших рюмок, предназначенных для легких столовых вин. Разошлись мы сравнительно рано, в первом часу ночи, и всей компанией пошли провожать гостя — кроме меня, у Тихоновых в этот вечер был Сергей Колбасьев. Немец остановился в гостинице «Астория». Дойдя до Каменноостровского проспекта, который затейливо назывался тогда «улицей Красных Зорь», мы окликнули такси и посадили очень спокойного, очень вежливого, очень задумчивого немца в машину. Каждому из нас он крепко пожал руку. Мария Константиновна, которая знала немецкий, перевела нам его последнюю фразу: «У вас прекрасный коньяк. И очень хорошо, что вы не смешиваете его с кофе, как это делают англичане».

На другой день Тихонов сказал мне, что ночью он застрелился.

И, может быть, перед смертью он вспомнил эпиграф из «Путевых картин» Генриха Гейне: «Она была мила, и он любил ее; но он не был мил, и она не любила его».

Продолжение следует.

Вот так, под куполами, спускаются на льдину.

Впереди-зи

Что поделаешь! На полюс Северный ведь только самолетом можно долететь.

По душе пришлась Арктика Пете-петушку.

На «кухне» погоды.

МОВКА

Елена КАШИНА,
фото Бориса КУДРЯВОВА

Давным-давно, за триста с небольшим лет до нашей эры, отважный древнегреческий астроном Пифей отправился в путешествие... Зашел он далеко на север и был первым, кто сообщил европейцам о морях, покрытых бескрайними льдами. Ему казалось, что там нет более земли, моря или воздуха, невозможно там ни ходить пешком, ни плыть на корабле.

Теперь мы снисходительно улыбаемся, читая эти строки. Люди давно живут и работают в Арктике. А 21 мая 1937 года в районе Северного полюса приледнился краснокрылый самолет, который высадил на льдину папанинцев. Это была советская дрейфующая станция № 1.

Сорок девять лет спустя, 21 мая 1986 года, на льдине за восьмидесятой параллелью готовились к открытию комсомольско-молодежной станции «Северный полюс-28».

Суета, суета, тысяча дел... Она только родилась, эта станция, и, как с каждым новорожденным, с ней столько хлопот. Ушла на материк первая метеосводка — визитная карточка новой дрейфующей. Впервые на льдине работает ЭВМ — в небольшом домике с белыми буквами ВЦ (вычислительный центр) уютно светится зеленоватый экран дисплея. Врач Сергей Каргаполов ввиду отсутствия работы по специальности (все здоровы) занят ответственным делом — выпиливает снежные кирпичики и складывает трибуну для почетных гостей. Слабый ветерок доносит с камбуза аппетитные запахи — готовит что-то вкусненькое кок Борис Гуричев. Забегает на минутку в кают-компанию начальник «двадцать восьмой» Александр Чернышов: присесть, чуть передохнуть... И тут же, сидя, мгновенно засыпает. Самое тяжелое время — первые недели на станции.

Вместо дизельной электростанции воткнута пока в снег дощечка с надписью «ДЭС». Рядом с домиками — оранжевый новенький трактор. Несколько дней назад он «упал» на станцию с неба вместе с платформами, на которых было двести бочек горючего. Это поработали участники «ЭКСПАРК-86» (экспедиции парашютной арктической). Впервые эксперимент с участием спортсменов-парашютистов ДОСААФ проводился в Арктике немногим более года назад.

Суть его в следующем. Традиционно доставка экспедиционных грузов и развертывание новых дрейфующих станций были делом легкомоторной авиации, которая и летала на малые расстояния, и груз на борт брала ограниченного веса. В 1984 году ДОСААФ выступил с инициативой: предложил новый путь организации и снабжения станций — авиапарашютную технологию. Способ быстрый и экономичный — десант парашютистов для строительства станции, а необходимые грузы спускаются на парашютных платформах.

На этот раз «экспарковцы» приготовили полярникам сюрприз.

Очередной сброс. Сквозь хмурую пелену арктического неба продираются массивные платформы. Многокупольные парашюты словно белые зонты, раскрывшиеся над головой. А рядом — никем не замеченный крохотный парашютик...

Через некоторое время в кают-компании появляется штурман «ЭКСПАРК» Виктор Нечипас, с загадочным видом развязывает тесемки на каком-то мешке, и тут... раздается громкое, восторженное «ку-ка-ре-ку». Петух Петя с пламенно-оранжевыми крыльями не просто гость СП-28, науке интересно, как поведет он себя полярным днем, как золотой гребешок здесь, где солнце не прячется за горизонт, пропоет утреннюю зорьку. Петя кукарекал день и ночь напролет, решив, очевидно, что так он свой час точно не пропустит. А полярники шутили: «Выйдешь на льдину — то Яна лает, то петух Петя кричит, ну, как в деревне...»

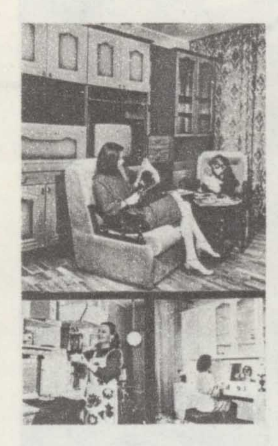
Бешено вращаются лопасти вертолета. Мы над СП-28. Крохотная льдина в океане. На льдине — люди. Впереди двенадцать месяцев дрейфа. Впереди работа. Все еще впереди.

Мы летим над Северным Ледовитым. Я вспоминаю... Алый флаг, трепещущий на ветру у самой верхушки флагштока. Дружное «ура!», прокатившееся над льдиной. Взметнувшиеся в небо разноцветные ракеты.

Вспоминаю, как протянул мне узенький цилиндрик ракеты Сергей Каргаполов: «Это на память». Взглянула на штамп — «с одной звездой зеленого огня». Зеленая ракета — это значит, все в порядке. Значит, будет на «двадцать восьмой» все хорошо. Впереди — зимовка.

Помните, у Визбора: «...И в руке зажав меридиан, мы от одиночества спасаем этот Ледовитый океан».

Современный интерьер

За последние четверть века в нашей стране построено 54 миллиона квартир. В ассортименте мебельной промышленности появились самые разные виды мебельных гарнитуров, отдельных предметов. Достаточно широк выбор обоев, драпировочных материалов, светильников, бытовой техники — словом, всего того, что предстоит выбрать новоселу, чтобы в типовой квартире создать индивидуальную атмосферу семейного очага.

С вопросами о том, как лучше обставить квартиру, с чего начать покупки новоселам, стоит ли везти в новое жилище старые вещи и какие сейчас в моде светильники, обратились в редакцию молодожены Смирновы из Воронежа, семья Калинниченко из Житомира, В. Свистунов из Новосибирска и другие читатели.

К разговору о нашем жилище в качестве консультантов редакция пригласила архитекторов Центрального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования жилища Раису Никифоровну БЛАШКЕВИЧ и Виктора Евгеньевича МЕЛЬНИКОВА. Беседу с ними ведет наш корреспондент В. МОРОЗОВА.

— Новоселье — событие радостное, хотя и хлопотное для каждого человека. Конечно, можно въехать в новую квартиру, купить готовый комплект мебели, соответственно рассчитанный на вашу площадь, и в результате получить заурядное стандартное жилище,— говорит Раиса Никифоровна.— А ведь с теми же затратами, а то и меньшими можно создать красивое, элегантное, современное жилище, отвечающее вашим эстетическим вкусам, а главное, образу жизни семьи.

— Видимо, вы, Раиса Никифоровна, не очень жалуете типовые гарнитуры?

— Смотря какие. Мы не должны забывать, что не только сама мебель, но и ее расположение в квартире должно отвечать прежде всего функциональным требованиям и конкретным потребностям данной семьи, интересам каждого ее члена. Вместе с тем при создании интерьера квартиры, особенно новой, еще не обжитой, влияние современной моды неизбежно. Но пользоваться ее рекомендациями следует осмотрительно.

— Что же сегодня модно в дизайне жилища? Какая мебель предпочтительнее: старинная, в стиле «ретро», или компактная «многоцелевая»?

— Еще совсем недавнее увлечение старинной мебелью пошло на спад. Приверженцы новых форм доказали красоту, удобство и целесообразность современной мебели,— вступает в разговор Виктор Евгеньевич.— Полированные гладкие поверхности заменены матовыми, подчеркивающими естественную фактуру живого дерева. Скупая меблировка квартир, лаконичность в убранстве, наличие свободных пространств больше соответствуют духу времени, чем загроможденные мебелью помещения. Поэтому все больше появляется проектов квартир со встроенными шкафами, антресолями, позволяющими обходиться минимумом мебели. Эстетика сегодняшнего интерьера должна быть подчинена функциональности, удобству, комфорту, индивидуальности.

— Если говорить об индивидуальности, то ведь сколько людей, столько вкусов. Как же конкретно помочь новоселу?

— Вкусы, привычки, образ жизни в каждой семье разные. Именно от этого зависит то или иное решение интерьера вашего жилища. Интерьер — это прежде всего образ жизни, тема для размышления о том, как вы будете жить в новой квартире,— говорит Раиса Никифоровна.— Прежде чем обставить квартиру, внимательно поразмыслите, что важнее для вас: выделить ли детскую, спальню и надо ли иметь общую комнату. Увлекающиеся спортом отведут стенной шкаф под спортинвентарь, а фотолюбитель постарается найти себе место для размещения фотолаборатории. Важно максимально разумно использовать всю полезную площадь, чтобы каждый член семьи любил свой дом, находил в нем место для отдыха, для своих увлечений и для работы, если вам это необходимо.

— Начинать надо не с мебели, а с замысла. Я разделяю эту точку зрения Раисы Никифоровны,— продолжает Виктор Евгеньевич.— Но все же если говорить о меблировке, то хочется посоветовать новоселам не торопиться выбрасывать старую мебель. Современный интерьер не предполагает одностильности. Старая мебель может интересно смотреться в новой квартире, если ее реставрировать, добавив новые элементы отделки. Венский стул, венское кресло — вечные вещи в дизайне. Они и сегодня свободно, ненавязчиво входят в общий стиль жилища, независимо от изменений моды, вкусов, привязанностей потребителей. Или прикиньте, например, как красиво смотрится старое, резного дерева дедушкино кресло на фоне современных обоев.

— Конечно, разрозненные предметы, предназначенные для разных целей, иногда удобнее, но как при этом добиться согласованности, стилевого единства интерьера, как сделать, чтобы твое жилище не выглядело как склад разнородной мебели?

— Да, такая опасность есть,— замечает Раиса Никифоровна.— Надо обладать определенными знаниями в области меблировки квартир, и научиться этому сразу сложно. Для начала несколько советов. Объединяющим элементом разных по стилю групп мебели могут служить обои, драпировки на окнах и мебели. Они могут быть однотонные, спокойные или, напротив, контрастных цветов, создающих подчеркнуто праздничное настроение.

— Я слышала, что на последних выставках некоторые фабрики представили мебель не с открытой текстурой дерева, а с цветными эмалевыми покрытиями.

— Да, это последняя новинка современной моды. Прибалтийские дизайнеры показали очень интересные наборы мебели с добавками белых, зеленых, фиолетовых, красных тонов. Яркие тона особенно уместны для детских комнат. Многое в сегодняшнем интерьере решает освещение. Наряду с общим светильником очень важно умело подобранное местное, варьируемое освещение.

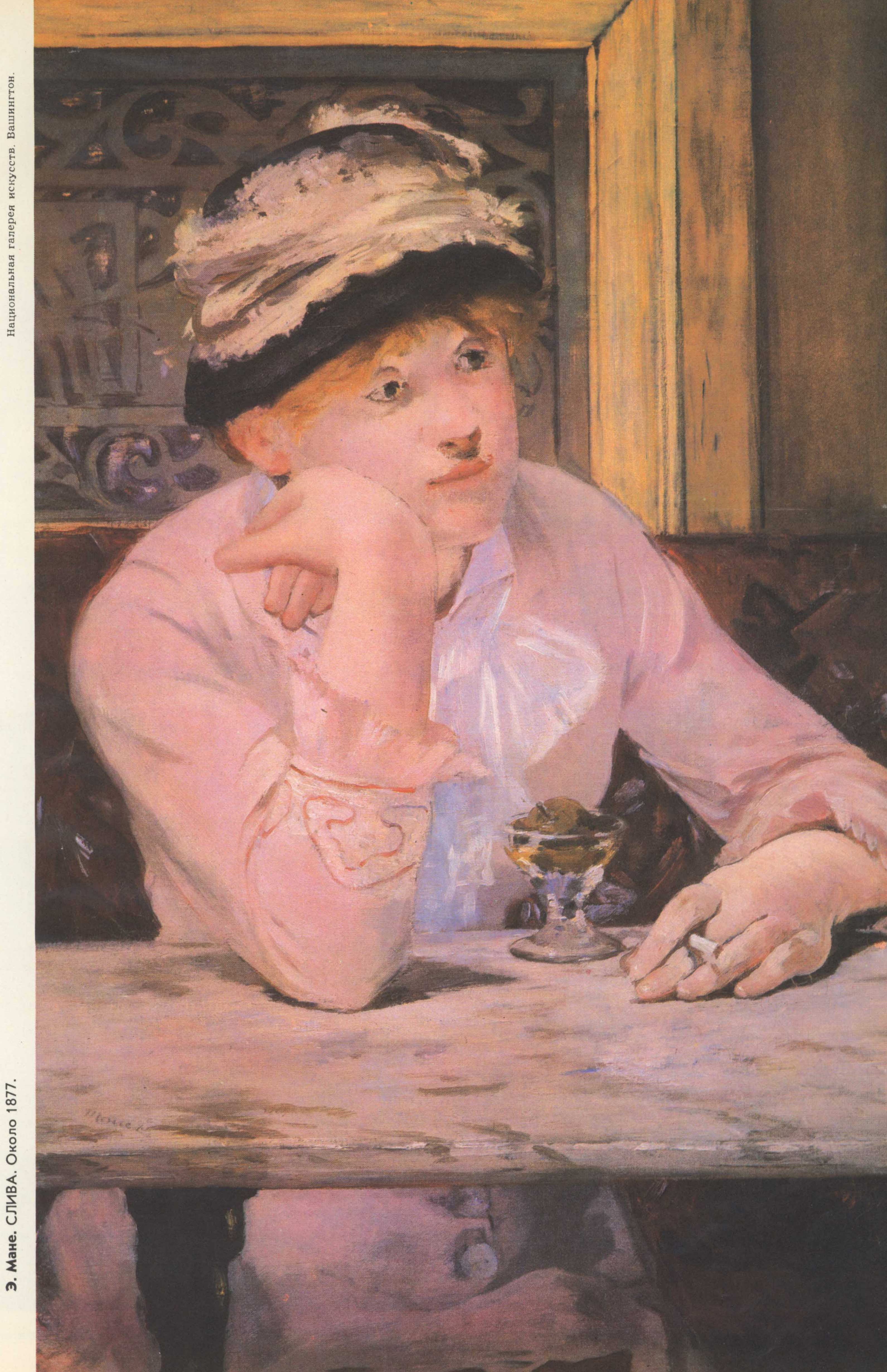
— А как отнестись к хрустальным люстрам, которые еще в изобилии предлагаются потребителю?

— Хрустальная люстра редко соответствует решению современного интерьера, но все же совсем отказываться от нее не следует. Все зависит от индивидуального вкуса новосела, от умения тактично вписать этот светильник в общий облик квартиры,— считает Виктор Евгеньевич.— Впрочем, вопрос освещения в решении современного интерьера настолько важен, что разговор на эту тему должен быть особый.

* * *

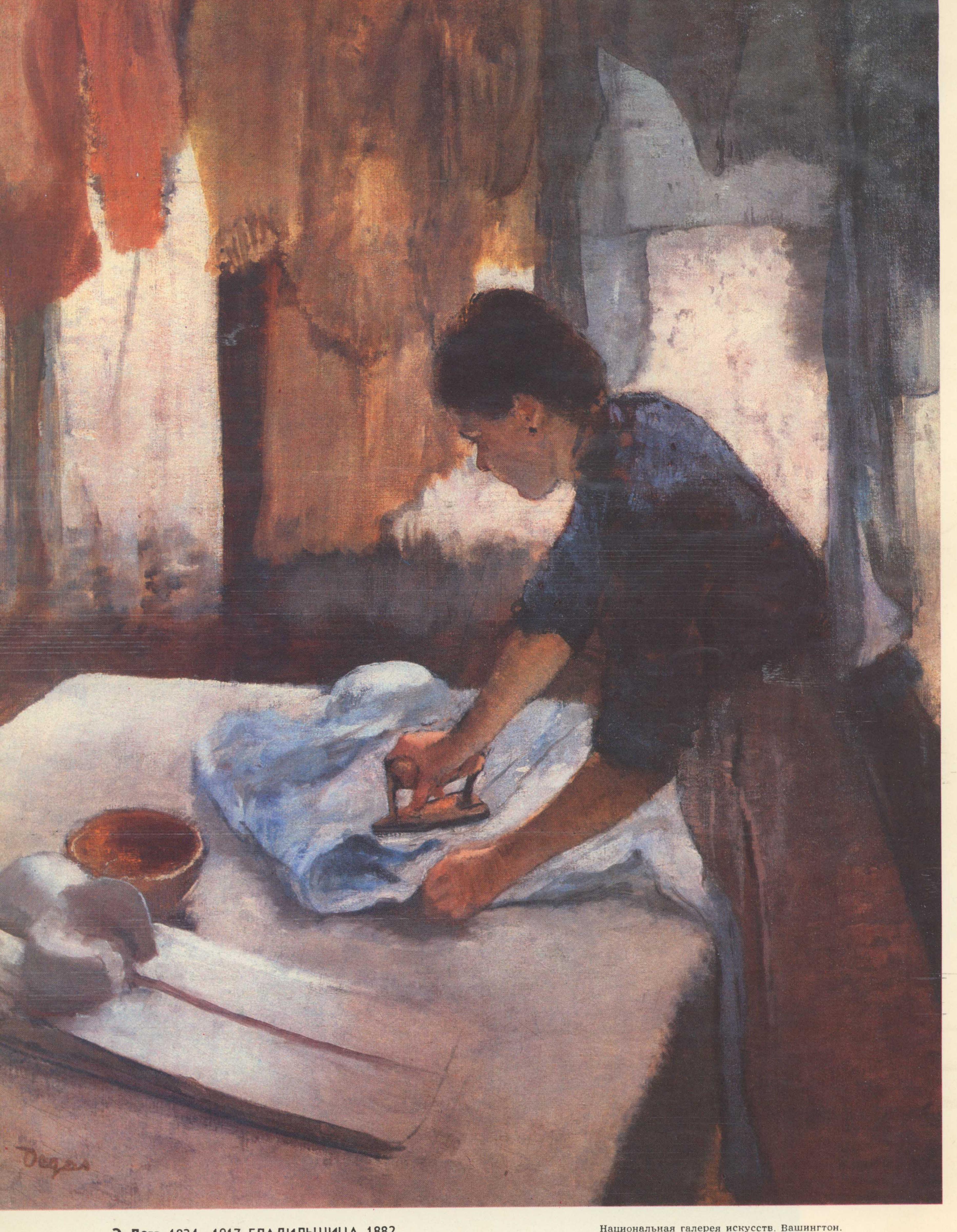
Дорогие читатели, дорогие новоселы, редакция обязательно продолжит разговор о нашей квартире, о том, как сделать наш дом уютным, красивым, комфортабельным. Художники, дизайнеры, специалисты по различным отраслям прикладного искусства могут подсказать вам, как расставить цветы в доме, какие занавески сшить для кухни, повесить ли пестрый восточный ковер на стену или положить его на пол и как лучше использовать нишу в прихожей...

Словом, пишите нам, подсказывайте темы для разговора под рубрикой «Наша квартира».

Э. Мане. СЛИВА. Около 1877.

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

Э. Дега. 1834—1917. ГЛАДИЛЬЩИЦА. 1882.

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

ТРИ КАРТИНЫ ЭДУАРДА МАНЕ

Начало см. на стр. 8.

молодостью и дамой, присевшей отдохнуть у чугунной ограды... Это Викторина Меран. Одна из первых, самых известных натурщиц Мане. С ее именем связано появление его ранних шедевров «Уличная певица» и «Викторина Меран в костюме эспады», написанных в 1862 году, «Завтрак на траве» и «Олимпия», созданных в 1863 году. Тогда имя Эдуарда Мане впервые сотрясло стены буржуазного парижского Салона и вызвало истинную бурю в консервативных кругах. Тридцатилетний Мане стал лидером молодого, нового направления в искусстве Франции. То была шумная, но веселая пора. Схватка за новь. Неописуемые сцены в Салоне. Истерия на страницах бульварной прессы. Рычание салонных львов — корифеев псевдоклассицизма, зорко стерегущих сытный пирог.

Пролетело десятилетие, полное работы, радостей и отчаяния, надежд и разочарований.

Эдуарду Мане минуло сорок лет... А что изменилось?

Его «Олимпия», будущая жемчужина Лувра, и десятки других шедевров пылятся на стеллажах в студии. Мане не избрали в жюри Салона. Молчит пресса. Только преданные друзья, среди которых поэты Шарль Бодлер, Стефан Малларме и Антонен Пруст, не устали сражаться с рутинерами. Эмиль Золя предсказал Мане мировую славу. Но это тогда были слова... Хотя сегодня более двадцати его полотен украшают коллекцию Лувра. Но все это состоялось после кончины Мане...

...1873 год. Эдуард Мане пишет «Железную дорогу». Для этого холста художнику в последний раз в жизни позирует Викторина Меран. Ей всего двадцать девять лет, но она очень изменилась за этот десяток годов.

Вглядываясь в потускневшие, стертые временем черты располневшей, а некогда искрометной и изящной Викторины, явно носящей следы увядания, живописец Мане не мог не подумать и о себе. Ведь годы бегут одинаково для всех...

Что-то щемящее, по-человечески пронзительное сокрыто в такой внешне светлой, мажорной картине.

Этот холст — перевал. В нем живописец как бы подводит итоги, в раздумье прощается с молодостью, встречает зрелость. Выходит на финишную прямую. Ведь всего через десять лет его не станет.

Метафора... Без нее нет искусства. Мане предлагает в «Железной дороге» немало загадок для внимательного зрителя.

Кисть спелого винограда. Сочная, полная скрытого солнечного жара. Она брошена справа внизу у ограды. Это островок зеленой природы рядом с пыльным железнодорожным полотном. Клочки белого пара. Дорога...

Рядом с Викториной Меран — девочка. Очаровательная, легкая, как мотылек. Она стоит спиной к нам. Пышный волан прически перехвачен агатовой бархатной ленточкой. Малышка прильнула к колючей ограде и зачарована промчавшимся паровозом. Ее пышная, похожая на белоснежный колокольчик юбка увенчана сине-голубым бантом. Это веласкесова инфанта XIX века.

Говорят, что Мане мало удалась картина. Будто нет образа железной дороги, современного ему города, истинного лица новой техники... Согласитесь, что могучее облако пара, пересеченное черной оградой,— символ. Почти фантом XIX столетия. Как легенда об упавшем яблоке, повлекшем за собою в свое время одно из фундаментальных открытий Исаака Ньютона.

Изумительно смела живопись Эдуарда Мане. Соседство смоляной геометрически вычерченной решетки ограды с нежнейшей рукою прелестного ребенка, обозначенной прозрачными, трепетными валерами,— волшебство. Апофеоз чувства меры. И, конечно, мастерства освоения традиций мировой, отечественной классики.

Французская школа живописи. Она дала планете Пуссена, де Латура, Ленена, Шардена, Ватто, Давида, Энгра, Жерико, Делакруа, Курбе... Великие мастера показали в своих холстах примеры сочетания простоты и высокой художественности. Понятности и доступности.

Достоевский писал: «Что ясно, понятно, то конечно презирается... Другое дело с завитком и неясность. Мы этого не понимаем, значит тут глубина».

Истинная станковая картина требует внимания. В нее надо всматриваться, изучать. Тогда, как цветок, она раскрывается навстречу зрителю. Постигая прекрасное, заключенное в творении художника, люди словно сопереживают увиденному. Они будто ощущают трепетное биение пульса времени, в которое создан холст...

В чем была поражающая новь картин Эдуарда Мане? Он внес в искусство не только пленэрную свежесть колорита, будто сняв навсегда со зрителей коричневые условные очки «музейной гаммы». Живописец Мане один из первых прикоснулся к теме современного города, быта горожан, простых людей, к их заботам, радостям и печалям. Словом, как сегодня говорят, разрабатывал «человеческий фактор» в городском жанре. Конечно, это было лишь начало. Мане рано окончил свой творческий путь, прожив всего полвека. Но начало было сделано. Зазвучала поэзия прозы. Необыкновенность обыкновенного.

Нам, жителям восьмидесятых годов XX века, бесконечно желанна эта тема. Ведь необъяснимо мало, почти нет городского жанра на наших больших выставках. Если не считать картин на производственную тему. Но ведь люди живут, любят, отдыхают, размышляют, иногда веселятся, порою горюют.

...Прогрохотал ушедший локомотив. Еще сверкает облако пара. Все глуше и глуше доносится перестук колес. Шуршат листки открытой книги. Безвольно опущены руки женщины... Раздался далекий звон станционного колокола. Уходит очередной состав. В этот миг становится слышен невольный вздох молодой, но уже бесконечно усталой женщины... И как антитеза пессимизму слышен радостный смех девочки. Она счастлива. Она видит завтра. Открывает мир.

Эдуард Мане в «Железной дороге» прокладывает путь новым исканиям в городском жанре. Само появление в буржуазном Салоне картины, героями которой были не мифологические боги или средневековые рыцари, не Венеры, Психеи и амуры, не Олимп, а городская женщина, ребенок, железная дорога, было событием, явлением новаторским. Сейчас об этом странно, может быть, дико читать. Но это было так.

Живописец Мане открыл дорогу импрессионистам. Ведь в 1874 году состоялась их первая выставка, где мир узнал Ренуара, Дега, Моне, Писсаро и других.

Клод Моне, автор картины «Импрессион», давшей название этому течению в искусстве, писал о роли Эдуарда Мане, об огромном значении общения и встреч с ним:

«...Не могло быть ничего более интересного, чем эти беседы и непрерывное столкновение мнений. Они обостряли наш ум, стимулировали наши бескорыстные и искренние стремления, давали нам запас энтузиазма, поддерживавший нас в течение многих недель, пока окончательно не оформлялась идея. Мы уходили после этих бесед в приподнятом состоянии духа, с окрепшей волей, с мыслями более четкими и ясными...»

«Слива»... Около 1877 года написал это полотно Эдуард Мане.

Париж. Ночное кафе. В большом окне — карусель вечерней столицы. Вереница экипажей. Размытые огни фонарей. Игра света и теней. Словно корявые пальцы, растопырили ветви каштаны. Люди фланируют, бегут. Стоят, ожидают. Мерцают блики на влажной панели. Мы этого не видим.

Напротив окна у стены, за пустым столиком, одинокая грустная женщина. Молодая, некрасивая, она задумалась, забыла зажечь папироску.

Этот холст — один из самых печальных в живописи Мане. Он скорбен своей безысходностью. Что-то безнадежно тупиковое в поникшей, безвольной фигуре. Чистое, отглаженное розовое платье трогательно своей провинциальностью. Рыжая растрепанная челка торчит из-под низко надвинутой черной шляпки с панихидными белыми перьями. Остановился унылый взгляд темных глаз. Пухлые, чуть подкрашенные губы. Вялая рука подпирает рыхлую щеку.

Тихо. Приглушенно звучит ноктюрн бледно-розовых, серых, палевых колеров.

Невольно вспоминаются строки французского поэта Поля Верлена:

Поблекла давно
За краскою краска.
Душе-все равно...
О, грустная сказка!

К несчастью, картина Эдуарда Мане — быль. Жестокая, бескомпромиссная. Сколько написано романов, рассказов о судьбе одинокой девушки в большом городе...

Это небольшое полотно — многоплановая, великолепно наблюденная Эдуардом Мане новелла. В ней не меньше, а может быть, и больше сказано, чем в ином рассказе. С той лишь разницей, что Мане требует от зрителя внимания к деталям.

Рука, брошенная на стол, залитый за день и не очень протертый. Ведь эта рука знала труд — стирку, уборку, шитье...

Пустяковая затейливость орнаментированной вставки с деревянной панели стены. Как ограничивает действие рама из желтого багета...

Мане — гуманист. Сострадательно, глубоко человечно, без тени натурализма раскрывает живописец трагедию потерянности в прагматическом мире, равнодушном к человеческой душе, где фетиш — чистоган, все продается и покупается.

Живописец показал нам лишь одну строчку из летописи времени. Отразил миг из окаянной судьбы маленького человека в буржуазном, блистательном Париже.

Эдуард Мане дает полный простор воображению зрителей, которые толпятся у этой картины в музее изобразительных искусств имени Пушкина. Среди них много молодежи.

...Девушка с веснушками сказала подруге убежденно: «Она уедет из Парижа к себе домой, в провинцию. Я это чувствую».

Солидный седеющий мужчина прошептал: «Это тупик. Плохо дело».

«Ты помнишь Чаплина?» — спросил белобрысый юноша в джинсах и синей куртке свою подругу. «Да, «Огни большого города»,— ответила девушка.

Благо в том, что художник через сто лет заставил многих, многих зрителей порассуждать, задуматься, посочувствовать этой беззащитной, трогательной в своей незащищенности женщине. Значит, художник Эдуард Мане достиг своей благородной цели. Дал работу душе. Разбудил сердца.

Праздник на улицах.

ПОЛОЦКИЕ ЗОРИ

Л. ЧЕРКАШИНА

Фото И. ТУНКЕЛЯ

В старом Полоцке, на его площадях и улицах, разливался, набирал силу необычный праздник — первый городской фестиваль искусств. Не день и не два — всю неделю продолжались торжества: шли концерты камерной и органной музыки в Софийском соборе, в картинной галерее открылась выставка работ полоцких и витебских художников, и здесь же, рядом с ней, прямо на двинском берегу (благо стояли ясные, погожие дни) работала выставка-продажа картин, и художники беседовали со зрителями и покупателями. Все ж это здорово, когда понравившуюся, облюбованную тобой картину можно принести с выставки домой.

В эти дни на городских улицах было много удивительного: кружились в народных танцах парни и девчата в праздничных национальных одеждах, и крутился старый гончарный круг, пелись забытые крестьянские песни, и оживали герои белорусских сказаний под умелыми руками мастеров — резчиков по дереву, водили старинные хороводы артисты фольклорных ансамблей, и выстраивались в пары соломенные барышни й конники, сплетенные мастерицами тут же, на улице.

Красочный многоликий фестиваль все подчинил своему ритму — превратил прохожих в танцоров, в певцов, в мастеров. Праздник, на то он и праздник, чтобы ломать привычный строй дней. Но его животворная сила в другом — дать волю новым, неведанным чувствам, помочь взглянуть на свой, такой привычный город, на людей, живущих в нем, знакомых и незнакомых, по-иному — с любовью, с гордостью...

Полоцк заслуживает того. Заслуживает своей славной историей — выстоял, выдюжил в войнах и сражениях с рыцарями Тевтонского ордена, и наполеоновскими гренадерами, и фашистскими полчищами,— заслуживает завидным долголетием (в скором времени отметит свое 1125-летие) и делами своих именитых граждан — в разные годы вели здесь просветительскую деятельность монахиня Евфросинья, одна из образованнейших женщин Древней Руси, знаменитый ученый-гуманист, белорусский первопечатник Франциск Скорина, выдающийся мыслитель и писатель Симеон Полоцкий.

И все-таки мало ли в нашем Отечестве таких городов, некогда составлявших его славу, а ныне тихих районных центров? И почему именно в Полоцке состоялся праздник искусств, который собрал известные творческие коллективы — профессиональные и самодеятельные, многих замечательных артистов, художников, народных умельцев?

Задолго до того, как были приняты общегосударственные решения о перестройке во всех сферах нашей культурной жизни, в Полоцке уже приступили к ней на деле. Культурный потенциал города был тогда весьма скромным и в общем-то обычным для небольшого районного центра с восемьюдесятью тысячами жителей. Краеведческий музей, несколько домов культуры и кинотеатров, парк — вот, пожалуй, и весь стандартный арсенал городских «очагов культуры».

Полоцк не вошел ни в «золотое», ни в «серебряное» кольца заповедных древнерусских городов, потому и никаких дополнительных средств на восстановление памятников истории и культуры, чудом уцелевших в лихие военные годы, не было. А было вот что: горячее желание сограждан, в числе которых находились и люди, наделенные государственной властью, и партийные работники, и рабочие, желание возродить былые культурные традиции города, поднять его духовную жизнь.

Стояли заброшенные, обветшавшие соборы и старинные здания прямым укором тогдашним своим хозяевам. Не памятниками культуры, а памятниками человеческого небрежения, равнодушия к родной истории. Некоторые из них — дело обычное — превратили в склады, иные медленно разрушались сами — от ветров и дождей. В том числе и прославленный Софийский собор, которому посвящены поэтические строки «Слова о полку Игореве».

Вот с Софийского собора все и началось: удалось добиться выделения средств на реставрацию Софийки, как любовно называют собор полочане. Восстанавливали его долго, почти как строили, но бережно и надежно — на века. В это самое время решалась судьба еще одного памятника — Богоявленского собора, исторически менее ценного, но также определявшего архитектурный облик города, его колорит.

Реставрация этих памятников и послужила началу первого в Белоруссии Полоцкого историко-археологического заповедника.

Мало просто отстроить памятник. Сколько можно привести примеров, когда в восстановление национальных святынь вкладывались миллионы и народные деньги шли прахом, потому что памятники так и оставались мертвыми, никому не нужными. Внешнее обновление еще не дарует вторую жизнь.

Мудро поступили в Полоцке, когда решили открыть в Софийском соборе концертный зал. Появление в городе собственного концертного зала, который и по своей акустике, и по богатому внутреннему убранству может вполне соперничать с лучшими столичными, стало событием не только местного масштаба. И уже не полочане отправляются в Витебск и в Минск, дабы приобщиться к высокой культуре, а минчане и витебчане — истинные любители музыки — едут в Полоцк послушать ор-

Концерт в Софийском соборе.

ган, на концерты известных мастеров. И дело не в стремлении к престижности, не в желании перещеголять и удивить всех: знай, мол, наших. Главное, чему посвящена вся работа,— подготовить свою серьезную слушательскую аудиторию. Впервые всем классом стали приходить ребята на концерты в Софийку. А следом за детьми — взрослые.

И результаты, пусть небольшие, уже появились. Многие ведущие музыканты и исполнители (в Софийском соборе выступали ансамбль «Мадригал», квартет арфисток, народный артист СССР солист Большого театра А. Ф. Ведерников, органисты из Чехословакии, Западной Германии) стали отмечать, пока, правда, с некоторым удивлением, подготовленность и восприимчивость аудитории. А такое ведь не часто встретишь в маленьком городе.

Не хотелось бы, чтобы создалось впечатление легкости, с которой осуществлялись все благие намерения: задумано — сделано.

Процесс создания заповедника был трудным — город буквально по крупицам собирал, восстанавливал свое наследие. Работа эта продолжается и сейчас. Об этом может немало рассказать организатор, а ныне директор заповедника Т. Д. Рудова. Сотрудники заповедника — Л. Ласточкина, О. Ладисов, Л. Лысенко — ведут поиск художественных ценностей, которые могли бы полнее раскрыть историю.

Удалось установить, что часть полотен из довоенного городского собрания портретов находится в Минске, в Государственном художественном музее БССР, деревянная скульптура работы средневекового полоцкого мастера — в Кинешме, в филиале Ивановского областного краеведческого музея, некоторые произведения искусства — в Государственном историческом музее, в Эрмитаже и в Русском музее в Ленинграде.

Для постоянной экспозиции задумано приобрести работы многих именитых земляков — живописцев Хадыко и Хруцкого, русского медальера и скульптора Федора Толстого, портретиста Савелия Сорина, советского скульптора Домогацкого.

Но такое, казалось бы, понятное и естественное желание иметь в родном городе некоторые из этих произведений оказалось чуть ли не утопией. Вернуть свои же, некогда принадлежавшие городу художественные ценности или приобрести новые, имеющие непосредственное отношение к его культуре и истории, невероятно трудно, практически невозможно. А ведь в большинстве своем хранятся они в запасниках. И вероятность встречи их со зрителями весьма мала: даже солидные музеи ограничены выставочной площадью.

В Полоцком заповеднике есть экспонаты (золотой княжеский перстень, вислая печать киевского князя Всеволода Ярославича, золотые украшения XI—XII веков), которые в силу своей особой ценности не могут экспонироваться в краеведческом музее. Есть возможность передать эти уникальные находки (предварительно выполнив их копии и голограммы) музеям Москвы и Ленинграда, где их смогут увидеть тысячи людей. А Полоцкому заповеднику вернуть так необходимые ему произведения изобразительного и прикладного искусства.

Заповедник будет расти, будут совершенствоваться, меняться и формы его работы.

Но уже сегодня нужно думать о будущем. Особо заботит сотрудников заповедника судьба Спасской церкви, возведенной еще в двенадцатом столетии прославленным полоцким зодчим Иоанном. Старинный храм — один из шедевров древнерусской архитектуры. Но самая, пожалуй, большая ценность Спасской церкви — это сохранившиеся в ней уникальные фрески XII века. И вот их-то нынешнее состояние вызывает тревогу специалистов. В условиях действующей церкви невозможно установить нужный температурный режим, а значит, и сохранить фрески. К слову сказать, с разрешения несведущих служителей церкви стены просто протирали мокрой тряпкой...

Через четыре года, к 500-летию со дня рождения знаменитого полочанина Франциска Скорины, откроется в Братской школе (памятнике архитектуры XVIII века) музей истории белорусского книгопечатания. И опять старые заботы: где взять нужные экспонаты? Вновь работники заповедника посылают письма и запросы в музеи, библиотеки, управления — доказывают, обосновывают, просят. А в ответ — либо деликатное молчание, либо расплывчатые обещания.

...Есть некая символика в названии первого городского фестиваля искусств «Полоцкие зори». Зори — это начало, рассвет, преддверие светлого доброго дня.

Из жизни марионеток

Их лица до сих пор стоят перед моими глазами — безжизненные лица кукол-марионеток...

Дмитрий ЛИХАНОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Одесса. Семь часов вечера. Патрульная машина. Вечер как вечер.

В этой части города мало прохожих, гораздо меньше, нежели в центре или в порту — у памятника Дюку Ришелье. Здесь люди никуда не спешат, а вся их жизнь, кажется, подчинена совершенно особому, медлительному ритму. Здешние домохозяйки могут подолгу болтать о чем-то, остановившись прямо посреди улицы, а мужчины так же долго попыхивать одной-единственной сигареткой.

Наверное, уже третий раз наша машина проезжает по этой улице. Мотор работает ровно, без надрывов, а рука Жени все еще держит рычаг переключения скоростей на второй передаче. Пока нам некуда торопиться.

Неожиданно машина берет резко вправо и замирает у высокого бордюра.

— Вон они, голубчики.— Женя кивает головой в ту сторону, где на перекрестке возле обшарпанного таксофона стоят двое: низкорослый парень в кожаной куртке по пояс и ярко, словно кукла, накрашенная девица. Вот парень подошел к телефону-автомату и долго накручивает диск. Наконец дозвонился. Минутный разговор — трубку на рычаг. Отошел в сторону, опустился на корточки, обхватив плечи руками. Поднялся. Неуверенно, едва переставляя ноги, идет теперь в нашу сторону. Следом бредет Кукла.

— Берем,— говорит Женя.

В этот миг Черная Куртка уже поравнялся с бампером автомобиля. Ручку на себя, резкий прыжок на тротуар.

— Уголовный розыск,— предъявляет Женя красную книжицу,— быстро в машину! Руки на колени.

Через десять минут все входим в отделение.

— Сволочи! — орет парень.—Не имеете права! Я в Афгане воевал, у меня медаль.

— Вещи на стол. Быстро!

На столе появляются выщербленная расческа, бумажник, две таблетки анальгина, початая пачка сигарет.

— Теперь закатай рукава.

На сгибе левой руки, прямо по вене,— затянувшийся, со следами штопки шрам. От него к кисти — густая россыпь следов от недавних инъекций. Женя ушел куда-то в конец коридора, но вскоре вернулся.

— А ведь про Афган-то ты все врал,— сказал Женя, возвращая Куртке бумажник,— не был ты в Афгане. А вот с наркотиками, дорогуша, влипаешь по третьему разу.

...Признаться, в таком вот детективном духе я и хотел написать материал о борьбе с наркоманией: подпольная лаборатория, конспиративный притон, поиск, спецоперация, захват, зло наказано, победило добро.

Однако, в который раз перелистав те материалы, что удалось собрать в ходе одесской командировки, я понял: детектива не получится. Мало того, быть его не должно. И дело здесь, конечно, не в выборе жанра, а в том, что проблема наркомании в большом приморском городе давно уже переросла рамки детективной истории, а стало быть, и частного случая.

Утро следующего дня. Областной наркологический диспансер.

«Я вас очень прошу определить моего сына на длительное лечение. У меня больше нет сил смотреть, как он с каждым днем пропадает. Сам он не сможет бросить без вмешательства медицины. Я вас очень прошу помочь моему сыну избавиться от этой болезни. Я хочу его видеть здоровым и полноценным человеком. Ведь он женат уже скоро два года. Жена хочет иметь детей, а я — внуков. Помогите ему — ведь он так молод, а уже инвалид».

«Помогите», «спасите» — писем, переполненных такими вот словами, областной наркологический диспансер получает много, пожалуй, даже слишком много. Сюда приходят жены, матери и отцы наркоманов — люди отчаявшиеся или близкие к тому. Они комкают влажные платки, умоляют помочь хоть чем-нибудь, оставить хотя бы одну, пусть даже единственную надежду. Но если бы все решала только медицина...

— Каждый наркоман,— сказал мне главный нарколог области Юрий Александрович Шипилов,— напоминает мне пассажира в поезде, потерявшем управление. Поезд этот все скорее катится под уклон, и совершенно ясно, что через несколько секунд он полетит с откоса... Успеешь, спрыгнешь — значит, уцелел, не успеешь — спасения нет. И нечего надеяться на стоп-краны. В диком этом экспрессе их попросту нет.

Мне дали справку. Среди наркоманов, состоящих на учете в областном наркологическом диспансере — половина подростки. Это те, кто решился «спрыгнуть». Беру наугад несколько историй болезни.

«Александр Ф., 1968 года рождения. Подросток пришел в диспансер самостоятельно. Выражает желание пройти лечение. Первый раз попробовал наркотики в мае 1985 года. Перешел на систематическое их употребление с осени того же года. Чередовал прием опиума с внутривенным введением раствора «химии». Сам пытался прекратить употребление наркотиков. Выдерживал неделю. Диагноз: «полинаркомания».

«Александр М., 1969 года рождения. Наркотики употребляет с пятнадцати лет. В диспансер обратил-

ся самостоятельно. «Ломку» перенес в течение двух недель. Диагноз: «полинаркомания».

В палате тихо. Только слышно, как тикает оставленный на подоконнике будильник. На кровати, поджав к животу ноги, лежит человек. Мне не видно его лица, прикрытого тонким казенным одеялом. Вижу только руку, плотно, до боли сжавшуюся в кулак. Время от времени человека начинает ломать так, словно бы невидимый злой ребенок корежит, выворачивает суставы надоевшей кукле. В эти мгновения из-под одеяла слышится нечеловеческий крик, крик животного, почуявшего близость бойни. Сквозь вопли только и могу различить два слова: «дайте» и «умираю». Этот человек третий день живет без дурмана, третий день мучает его наркотическое похмелье — абстиненция. Если повезет, он сумеет выкарабкаться. А если нет? Что ждет его впереди?

Сначала наркотик примется разъедать мозг. Ослабеет память, и все, что помнил когда-то, потонет в плотной, беспросветной трясине: день рождения матери, номер телефона любимой женщины, лица друзей детства, прошлые радости и печали. Вскоре обмякнет воля, зачерствеет некогда пытливый ум. То, что прежде восхищало, ныне покажется пресным: любовь не распалит сердца, а чужая боль не вызовет сострадания. Бывший математик позабудет таблицу умножения, добряк превратится в меланхоличного подонка, некогда заботливая мать бросит надрывающегося от крика младенца, заступник изобьет калеку, верный продаст за целковый. Волю, память, любовь — все спалит на своем пути наркотик, все, чем жив человек, превратит в золу. Наступит время, когда без дозы не прожить и дня. Дурман овладеет человеком, его поступками и самим образом мыслей. Смотришь, и вроде бы уже не человек перед тобой, а безвольная кукла-марионетка. Но это еще не конец. Кукла покуда еще жива: ее сердце перекачивает кровь, легкие фильтруют воздух. Однако и это ненадолго. От дозы к дозе, от инъекции к инъекции начнет увеличиваться печень, медленнее будут работать почки, сердце даст перебои. Смерть наступит при острых явлениях маразма.

Еще раз пересматриваю истории болезни наркоманов. Худенькие, в несколько страниц, книжечки. Их еще не успели отправить в архив. Каждая оканчивается одной и той же фразой: «Снят с учета по причине смерти».

Все это так. К сожалению, не всем удается «спрыгнуть» с подножки обезумевшего экспресса.

— Смерть от наркотиков — это еще полбеды,— сказал на прощание Ю. А. Шипилов,— в конце концов они знали, на что идут. Страшнее другое. В состоянии абстиненции наркоман готов пойти на любое преступление. Каждый из них — потенциальный преступник. Это я вам заявляю с полной ответственностью.

Через три часа. ГУВД. Отделение по борьбе с наркоманией.

Жара не спадает второй день. Даже настежь открытые окна не освежают двух небольших комнатушек, где разместилось отделение по борьбе с наркоманией.

На столах рядом с какими-то документами и томами Уголовного кодекса — вернувшиеся с экспертизы вещественные доказательства: грязные шприцы, порции опиума, сырец. В досье отделения — три увесистых альбома с фотографиями прежних и нынешних наркоманов. Сотни глаз смотрят на меня в упор, но в них, в этих глазах, ни тени мысли, ни проблеска здравого сознания. Под каждой фотографией рукой следователя выведены скупые данные: фамилия, имя, год рождения. Больше ничего.

Отделение по борьбе с наркоманией при Одесском городском управлении внутренних дел существует около пяти лет.

— 25 апреля 1974 года,— рассказывает начальник отделения Олег Иванович Слободняк,— Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об усилении борьбы с наркоманией. Примерно с семьдесят девятого года в городе начал появляться опиум-сырец. Вот с ним-то мы и ведем самую настоящую войну.

За годы существования отделения по борьбе с наркоманией сделано немало. Досконально изучены маршруты коммивояжеров от наркомании, установлено, как, когда и откуда поступает зелье в этот портовый город; при поддержке сотрудников госавтоинспекции постоянно контролируются наиболее «горячие» трассы, по которым возможен провоз сырца; в результате специальных операций выявлены и предстали перед законом многие торговцы дурманом. Однако рапортовать об искоренении зла, наверное, еще рано.

Факты, как известно, упрямая вещь. По данным судебно-наркологической экспертизы, в прошлом году число наркоманов, совершивших те или иные преступления, возросло. Если бы не это, город жил бы намного спокойнее.

...Пожилой одессит рассказывал мне, как в прошлом году трое подростков буквально обобрали его до нитки. Один приставил к животу нож, а двое других сняли часы — подарок покойной жены — и вынули из кармана бумажник, где хранилась вся стариковская пенсия.

Молодая женщина вспоминала, как однажды, возвратившись с работы домой, увидела груды разбросанных вещей.

— Они забрали мое обручальное кольцо, книги и даже бабушкину икону. Телевизор унести не смогли и потому ударили по экрану молотком...

Шестнадцатилетний мальчишка долго еще будет помнить, как какие-то люди затащили его в глухую подворотню и велели вынести из дома сто рублей.

— Если не принесешь или проболтаешься, ты не жилец,— сказал один из нападавших.

А когда оказалось, что мальчишка живет в общежитии и у него только сорок рублей стипендии, они отобрали эти последние сорок рублей и с силой ударили парня об стену.

В ходе следствия выяснилось: всех этих людей ограбили наркоманы.

Как же покончить с этим злом?

То ли оттого, что мы слишком долго замалчивали ужасы наркомании, то ли оттого, что принимали ее за очередную подростковую блажь, явление это оказалось довольно запущенным, а потому не уничтожить его одним махом.

Никоим образом не хочу умалять действий милиции и наркологов, но, согласитесь, им одним многотрудную и кропотливую работу по искоренению наркомании просто не потянуть, тем более что вовлечено в нее, хотя бы в том же Одесском ГУВД, немного сотрудников, чуть-чуть больше их и в областном наркологическом диспансере.

Милиция выявляет торговцев дурманом и самих наркоманов, наркологи пытаются их лечить — действия хотя и необходимые, но все же несколько запоздалые, потому как бороться со злом нужно все-таки в его зачатке и не только милиции, но и школе, профтехучилищам (где уровень наркомании, кстати, особенно высок), институтам, комсомольским и партийным организациям. Действовать тут необходимо всем миром, без ссылки на занятость и разного рода неотложные дела. Ведь если межведомственная разобщенность на производстве, бывает, влечет за собой выпуск бракованной продукции, то в борьбе с наркоманией такая разобщенность может привести к последствиям куда более горьким, станет причиной появления бракованных личностей.

Мысли эти подсказали мне люди, которые тем или иным образом причастны к борьбе с наркоманией и ее последствиями: следователи, оперативные работники, наркологи и психиатры.

Улица Дерибасовская. Вечер. Последняя встреча.

— А вчера знаешь, как было? — спросила Лена, перемалывая зубами мятную жевательную резинку.— Я прыгнула с крыши и лечу. Прямо как птица. Долго летела, а дна все нет и нет. Глянула вниз, а там как будто в кратере вулкана — огненное озеро. Урчит, грохочет, дымится. Чувствую, на мне уже платье тлеет. Жарко — сил нет. Ну, в общем, упала я и сгорела. Как в аду.

Лене двадцать один год. Ее муж отбывает долгий срок в одной из дальневосточных колоний, ее маленький сын живет у свекрови. Впрочем, Лена редко о нем вспоминает, и фотографии сына у нее нет. Зато есть своя — трехлетней давности. Здесь Лене всего восемнадцать. Зачем носит ее с собой, она и сама не знает.

Три года назад у Лены было хорошенькое личико: точеный профиль, немного смуглая кожа, светлый взгляд. Да, три года назад, в тот самый день, когда Лена впервые впрыснула в вену несколько миллиграммов наркотика, она была именно такой. Теперь в ее иссохшем, густо накрашенном лице я с трудом узнаю бывшую Лену. И кажется: не человек передо мной — механическая кукла, бездушная игрушка с остекленевшими зрачками.

Каждый день кукла спит (или ей только так кажется) до полудня. Очнувшись, долго лежит в постели, постепенно привыкая к яркому заоконному свету, к шуму улицы, звонкому щебету птиц. Наконец она встает и не спеша бредет в ванную. До отказа выкручивает кран холодной воды и подставляет тело под упругие струи, смывает с себя пот и остатки ночных галлюцинаций. Ледяной душ проясняет сознание, освежает рассудок. Но это только на время. Накинув халат, кукла жарит опостылевшую яичницу, залпом выпивает стакан крепкого кофе без сахара. Еще сорок минут она будет рисовать искусственные губы, подводить веки, подкрашивать тушью ресницы. И только после этого выйдет на улицу с одной лишь только целью — достать наркотик. Если повезет, она купит «баш» у своего давнишнего приятеля, если нет — у кого-нибудь другого. Если не хватит денег — расплатится собой. Так бывало не раз.

— Меня это дело здорово засосало,— сказала Лена на прощание,— только отвыкнуть я уже не смогу. Пробовала, не получается. Я знаю, меня в конце концов посадят в ЛТП. Это в лучшем случае, а в худшем сдохну где-нибудь под забором.

Она улыбнулась, и в этой ее улыбке проскользнуло что-то едва приметное, что-то от той восемнадцатилетней девочки с фотокарточки трехлетней давности...

Да, пришло время бить, сигналить тревогу.

Одесса — Москва.

Николай СТАРОСТИН, заслуженный мастер спорта

Собирался изложить свои впечатления в хронологической последовательности, но придется ее нарушить: думаю, что читателей продолжает более всего волновать матч сборной СССР и Бельгии, на чемпионате имевший порядковый номер 38.

Свое ощущение я определил бы одним словом — обидно. Совершенно уверен, что наша команда нисколько не слабее бельгийской. Она имела значительно больше голевых моментов, были и такие, когда не забить труднее, чем забить. Мяч после ударов наших игроков попадал в штанги, его отбивали защитники из пустых ворот.

Но, конечно, за так называемым невезением всегда проглядывают и вполне реальные причины. Обратите внимание: сборная Бразилии начала чемпионат спокойно и от матча к матчу набирает обороты, тогда как наша сразу включилась с азартом, на полную мощность (матчи с Венгрией и Францией), и прибавить ей, по сути дела, оказалось нечего. Мы уже не первый раз на чемпионатах мира просчитываемся в стратегии.

Беланов забил бельгийцам три мяча. Кажется, чего еще желать? Однако пропущено нашими четыре. На мой взгляд, в этом сложном, напряженном матче, когда противник изыскивал малейшие шансы для победы, проявилась неподготовленность наших игроков обороны к трудной борьбе. Баль и Бессонов, напомню, бывшие полузащитники, они приучены скорее перехватывать мяч, чем отбирать. Демьяненко был на этот раз инертен. Один только Кузнецов выглядел знающим защитное дело. Ведь даже если допустить, что второй гол Кулеманс забивал из положения вне игры, защитники не имели права останавливаться, обязаны были оказывать ему противодействие, это один из законов их игры, а они беспечно его нарушили. Странно и горько было видеть, как бельгийцы в упор, без помех били по воротам.

Шесть игроков основного состава десять дней не имели игровой практики, пропустив матч с канадцами. Столь щедрый отдых не пошел им на пользу, как раз в их действиях не чувствовалось свежести. Это Рац, Яремчук, Яковен-

Матч № 38 и другие

ко, Демьяненко, Бессонов. Да и вся команда в сравнении с первыми матчами выглядела не мобилизованной, а скорее размякшей, благодушной, в ее настроении как бы сквозило: «С бельгийцами-то справимся, силы надо поберечь до четвертьфинала». И тут, как мне кажется, нашей команде особенно остро не хватало опытного лидера, вожака, который мог бы позвать и повести за собой остальных. И наконец, бросалось в глаза и то, что в атаке Беланову не было пары, равноценного форварда.

Таковы мои впечатления, что называется, по горячему следу.

Однако не хотелось бы, чтобы обидный проигрыш перечеркнул все сделанное нашей командой. Да, она выбыла из чемпионата явно прежде срока, но свой голос подала, ее заметили, с ней считались, недаром и французы, и бельгийцы, встречаясь с ней, особое внимание уделяли обороне, разрабатывали специальные планы.

А теперь и о другом, что происходило на стадионах Мексики.

Чемпионат мира устроен таким образом, чтобы каждая из 24 команд сумела провести не меньше трех матчей, себя показать, других посмотреть да и оправдать расходы, благо мексиканские зрители охотно посещают стадионы. Приятное совмещается с полезным. 36 матчей (всего их на чемпионате 52) сыграны в рамках групповых турниров. Эта большая часть программы прошла в ожесточенной борьбе. О чем же она нам поведала?

Несмотря на то, что в некоторых группах возникали сложные, запутанные ситуации, в конечном итоге неожиданностей оказалось не так уж много. В первую очередь это успех сборной Марокко, приведший к тому, что за бортом осталась команда Португалии. Это скромный результат сборной ФРГ, особенно в сравнении с выступлением в той же группе датчан, одержавших три победы, хотя они, как известно, впервые пробились в финальную стадию мирового чемпионата.

В группе, где состояла советская сборная, удивила неподготовленность венгерской команды. Немало шума, если не переполоха, вызвали поначалу наши футболисты. Сама по себе их победа в групповом турнире не должна была привлечь внимания, наши сборные первенствовали в аналогичных турнирах на чемпионатах в Чили, Англии и в той же Мексике. Общее внимание привлекла активность их игры, а это, скажем откровенно, не так уж часто сопровождало выступления нашей сборной.

Но, в общем, можно сказать, что первый отбор прошел согласно предположениям. Я, во всяком случае, ничем удивлен не был. Как и содержанием игры в ходе предварительных турниров, которая за некоторыми исключениями ничего экстраординарного из себя не представляла, хотя и позволяла предположить, что на следующем этапе многое может измениться к лучшему. Скорее всего игровая сдержанность объяснялась условиями турниров, которые не обязывали участников раскрывать карты. На первом плане стояли деловые, конкретные интересы, в футболе обычно связанные с намерением не столько забивать, сколько не пропускать.

Истинный же чемпионат начался с момента, когда была приведена в действие система с выбыванием. Тут, надеюсь, мы получим образцы игры.

Сделав оговорку о «некоторых исключениях», я имел в виду, например, матч Бразилия—Северная Ирландия. Бразильцы выиграли 3:0. Надеюсь, меня поймут, если я скажу, что особо внимателен к деталям. Так вот был эпизод, когда бразильцы провели быструю атакующую комбинацию с участием нескольких игроков, сделав в ходе ее пять передач в одно касание. Это не назовешь иначе чем высшим показателем технического совершенства. Представьте, первым же прикосновением к мячу, не останавливая его и не подправляя, не задерживая, переадресовывать его совершенно неожиданно для противника точно туда, куда надо! Если у нас прежде в «Спартаке» Черенков и Гаврилов разыгрывали комбинацию с двумя передачами в одно касание, это считалось успехом. А тут — пять.

Когда на следующее утро я встретился с тренером К. Бесковым, он сразу меня спросил: «Видели, как бразильцы сыграли в пять передач в одно касание? Вот и обыграй их после этого».

Причем ту комбинацию провели не Сократес и Зико, а молодые игроки, не всех я знаю по именам. Коль скоро тренер Сантана со сборной Бразилии работает недавно, надо полагать, что то был не разученный маневр, а совпадение взглядов на игру и равенство мастерства у футболистов. Деталь красноречивая и, как мне представляется, объясняет, почему они так непринужденно выиграли и следующий матч — у польской сборной бразильцы (4:0), доставив удовольствие зрителям.

Излагать впечатления в разгар чемпионата рискованно. И сюрпризы могут подстеречь, и команды способны преображаться, как та же бельгийская, например. И кубковая неумолимая сетка кого-то остановит, сведены же вместе уже в одной восьмой финала Италия и Франция, Испания и Дания, числящиеся фаворитами.

Однако общую картину создают не одни только счастливые финалисты и чемпион, надо ценить вклад и других команд.

У сборной Франции привлекательна средняя линия, я назвал бы ее острой, любой из четырех в ней состоящих хочет и может забить. В команде Италии выделяется опытный форвард Альтобелли, он ее, можно сказать, выручает. Но, наблюдая за командой, невольно вспоминаешь, что она — чемпион мира и налет славы как бы тяжелит ее игру.

А на датчан, мне думается, обрушилась лавина: самая сильная группа, три победы, потребовавшие всех сил, комплименты со всех сторон, безапелляционные прогнозы, что в последнем матче чемпионата именно они сойдутся с бразильцами. Легко ли это выдержать?

Сборная Англии в последний момент благодаря победе над командой Польши спасла свое лицо. Наблюдая за тем матчем, я думал о том, что вот на поле две команды, в которых игроки однородны по своим качествам, команды с одним своим «несгибаемым» стилем. У поляков игра только в короткую передачу, у англичан только в длинную. Сборная Англии высоко ставит свое достоинство, однако некая старинность дает себя знать.

Наконец, сборная ФРГ. Нет сейчас в ее игре былого блеска, тем не менее чувствуется издавна свойственная ей игровая культура, основанная на чувстве порядка, твердом знании, что правильно и что неправильно. Не удивлюсь, увидев ее в полуфинале.

Последний гол советской сборной на чемпионате мира. Забитый Белановым с пенальти, этот гол не изменил общего итога встречи команд СССР — Бельгия, которая закончилась со счетом 3 : 4 в пользу наших соперников.

Телефото АП—ТАСС

в мире мудрых мыслей

ТАК ГОВОРИЛ ТОЛСТОЙ

Л. Н. Толстой говорил: «Красноречие, точно жемчуг, блещет содержанием. Настоящая мудрость немногословна».

Толстой составил и издал ряд сборников, состоящих из высказываний философов, писателей, поэтов, художников, в которые он включил и собственные мысли. Наиболее из них значительным писатель считал «Путь жизни», созданный в 1910 году. Ему предшествовали сборники «Мысли мудрых людей», «Круг чтения», «На каждый день».

Толстой надеялся, что сборник «Путь жизни», куда вошли «...самые важные... мысли из всех...», станет настольной книгой широких кругов читателей.

Сегодня мы предлагаем читателям избранные высказывания великого русского писателя и философа.

Больше всех говорит тот, кому нечего сказать.

Величайшие истины — самые простые.

Всего знать никто не может, а стыдно и вредно притворяться, что знаешь, чего не знаешь.

Все люди, занятые истинно важным делом, всегда просты, потому что не имеют времени придумывать лишнее.

Всякий раз, когда чего-нибудь очень хочется сделать, остановись и подумай: хорошо ли то, чего тебе так хочется.

Главное свойство во всяком искусстве — чувство меры.

Говори о том только, что для тебя ясно, иначе молчи.

Для того, чтобы сказать понятно то, что имеешь сказать, говори искренно, а чтобы говорить искренно, говори так, как мысль приходила тебе.

Доброта для души — то же, что здоровье для тела: она незаметна, когда владеешь ею.

Если ты что-нибудь делаешь, делай это хорошо. Если же ты не можешь или не хочешь делать хорошо, лучше совсем не делай.

Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель.

Знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не одной памяти.

И воспитание, и образование нераздельны. Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно.

Как только поступок объясняется сложным рассуждением, будь уверен, что поступок дурной. Решения совести прямы и просты.

Когда два человека ссорятся — всегда оба виноваты...

Нужно усилие для всякого воздержания, но из всех таких усилий самое трудное — это усилие воздержания языка. Оно же и самое нужное.

Подготовил к печати А. ФЮРСТЕНБЕРГ.

ФРАЗЫ

Последнее слово техники: «Ну и варварски же со мной обращались!»

Бейте меня рублем по карману, у меня карман государственный.

Анатолий РАС

Одни думают о материях, другие о тряпках.

Совесть дается только тем, кто не может прожить без нее.

С. ХОХЛОВ

Работает, как поршень: под давлением.

Ю. РЫБНИКОВ

В деревне птицы поют чаще, чем певцы. В городе — наоборот.

М. ГЕНИН

Не ищите чужих недостатков — они вас найдут сами.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

юмореска

НУ И МОЛОДЕЖЬ...

Смирнов, опять спишь на занятиях? Не спишь? А что же ты делаешь? Мечтаешь? Интересно ты мечтаешь. Во сне? И о чем же? Когда занятие закончится? Оно еще начаться не успело!

Сидоров! Зачем косу Лаптевой к стулу привязал? Ей же больно! Оказываешь ей знаки внимания?! Подумать только! Мы в свое время для этого старались хорошо себя вести.

Меньшов! Зачем ты Великанова под стол загнал? Надо?! Что? Какую встречу? С Лебедевой! Лебедева! Лебедева! Где Лебедева?.. Как тебе не стыдно, Лебедева! Ведь ты же девочка. Знаешь? Хорошо, что знаешь...

Опять Смирнов спит. Соколов, разбуди его. Почему не можешь? Как кусается? Спросонок? Палец тебе прокусил? Сядь, Соколов, на другую парту.

Сидоров! Почему косу Лаптевой отвязываешь? Разонравилась? Так быстро?! Вот времена наступили: нравится — не нравится... Ничего, Лаптева, кто-нибудь другой твою косу привяжет, у тебя все еще впереди.

Меньшов, сядь, пожалуйста. Как, уже сидишь? Вот детишки растут. Великанов и Лебедева, может быть, нам всем уйти? Не надо? Мы вам не мешаем? Ребята, на чем мы остановились?..

Занятия в подготовительной группе детского сада продолжались...

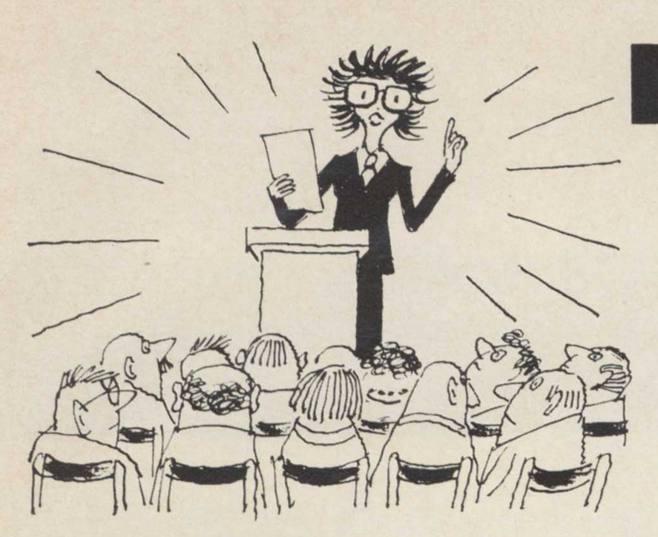
В. КОЛИН

Рис. В. Владова

Рис. Е. Шипицовой

ЛЕКЦИЯ О ЗДОРОВЬЕ

Як. ЗИСКИНД

РАССКАЗ

Среди многих проблем, которые волнуют все человечество в целом и каждого индивидуума в частности, на первое место выходит вопрос о здоровье. Вот почему, когда в нашем учреждении объявили о лекции кандидата медицинских наук, то, хотя явка и была необязательной, явились все сотрудники от шестнадцати до семидесяти трех лет включительно.

Лектор, кандидат медицинских наук, весьма элегантный, давно не стриженный молодой человек в окулярах, поднялся на трибуну и заговорил. И тут мы заметили, что он не молодой человек, а вовсе молодая, интересная женщина. Разве теперь сразу поймешь, кто есть кто? Тем более он... то есть она был... то есть была в брючном костюме и даже при галстуке. Так что можно только радоваться, что наши женщины не отстают от мужчин ни в области науки, ни в области одежды.

А начала свою лекцию этот кандидат медицинских наук так:

— Товарищи больные!

Мы, конечно, рассмеялись, некоторые зашикали, кто-то понарошку закашлялся. А она, то есть лектор, выждала паузу и продолжила:

— Напрасно вы так реагируете. Я не ошиблась и назвала вас больными с чувством полной ответственности за свои слова.

Мы притихли. А лектор поправила окуляры и улыбнулась:

— Сомневаетесь? Хорошо. Возьмем для начала мужчин. В результате опросов и социологических исследований нами установлено, что из каждых пяти мужчин двое курят. Спрашивается: может ли мужчина, который систематически отравляет организм никотином, считаться здоровым? Наука отвечает: нет! Значит, двое из пяти больные. Дальше: один из пяти мужчин болельщик. Человек, который из-за незасчитанной шайбы может орать нечеловеческим голосом «Судью на мыло!», укусить соседа или — были такие случаи — получить инфаркт, сидя перед телевизором, вряд ли может считаться здоровым! Возьмем четвертого мужчину. Как правило, один из пяти мужчин любит, так сказать, по разным поводам и в разных дозах... Вы понимаете, о чем я говорю. Можно такого человека считать здоровым? — спросила кандидат медицинских наук.

Мы скромно промолчали, и она сама ответила на свой вопрос:

— Думаю, что нет. Остается пятый мужчина. Из каждых пяти мужчин один обязательно имеет какое-нибудь хобби. У одного — рыбная ловля, у другого — охота, у третьего — преферанс или, страшно подумать, домино. Спрашивается: можно ли считать здоровым человека, который в свой выходной день встает в три часа ночи и бродит с испорченным ружьем и голодной собакой по таким местам, где ничто живое, кроме комаров, не водится? Или надеется поймать рыбу там, где ее в последний раз видели десять лет назад!

Она перевела дыхание, выпила глоток воды и продолжила:

— Таким образом, из пяти рассмотренных нами мужчин все пять считаться здоровыми не могут и, естественно, нуждаются в помощи медицины. Вы согласны?

Мы снова промолчали. Мы — это мужчины. А женщины, сидящие в зале, одобрительно зашумели и даже захлопали.

— А как обстоит с женщинами? — спросила Виолетта Ивановна, секретарша нашего директора, розовощекая блондинка в туфлях на модных платформах.

— Увы, тоже. А может, и хуже,— печально ответила кандидат медицинских наук.

Теперь одобрительно зашумели мы.

— Давайте воспользуемся тем же статистическим методом и рассмотрим пять женщин. Как минимум, две из них утверждают, что они чем-нибудь больны, и любят лечиться любыми способами и средствами вплоть до рекомендуемых знахарями, шаманами, отсталыми цыганками и древними старухами, дремучими, как тайга. Так что две женщины из пяти больны, так сказать, по собственному желанию.

— Правильно, — крикнул кто-то из мужчин, вспомнивший свою жену.

— Третья,— остановила его лекторша, — следует за модой. Зима, минус тридцать, а она порхает в меховом капоре, мини-дубленке, нейлоновых чулках и лаковых сапожках. Еще Суворов говорил, что надо держать ноги в тепле, голову в холоде, желудок в умеренности! А что получается у таких женщин? Ноги в холоде, живот в тепле и голова в умеренности... Можно ли таких женщин считать здоровыми?

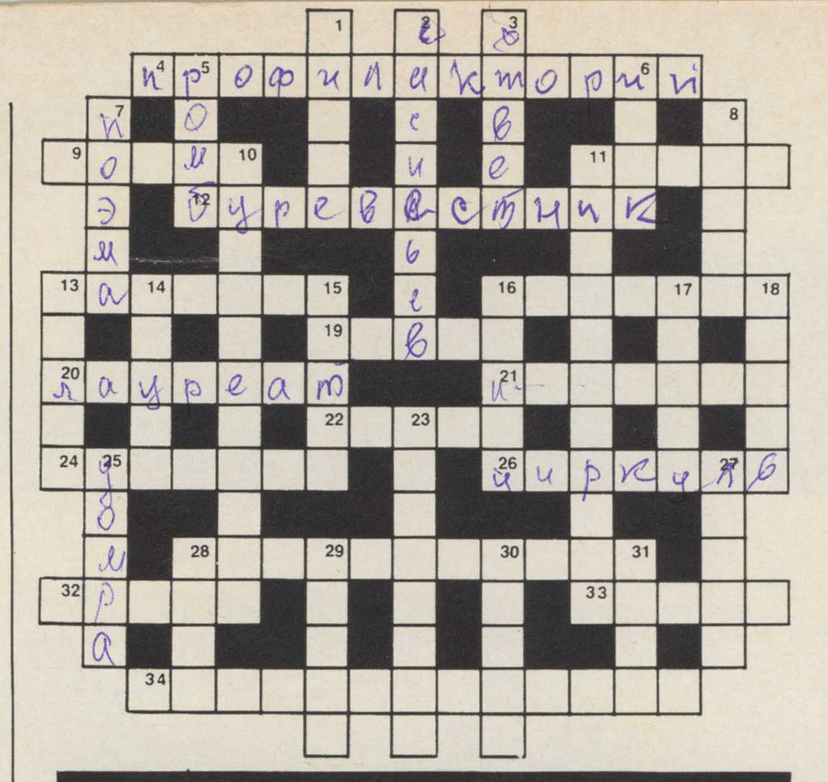
Мужчины дружно смеялись, а женщины угрожающе молчали.

— Ну вот,— сказала лектор. — Три женщины рассмотрены, исследуем еще двух. Как правило, две из пяти нервные. В торговой сети и в сфере обслуживания этот процент даже значительно выше. Таким образом, из рассмотренных нами пяти женщин и пяти мужчин все десять должны обратить внимание на свое здоровье и воспользоваться медицинскими рекомендациями.

Дальше кандидат медицинских наук давала нам всевозможные советы: как делать зарядку, как гулять, чего не есть, как правильно болеть гриппом, грамотно кашлять и в каких случаях вызывать врача.

Лекция на всех наших сотрудников произвела огромное впечатление. Огромное! Достаточно сказать, что на следующий день треть работников нашего учреждения на работу не вышла. Вызвали врачей и получили бюллетени, согласно научным рекомендациям уважаемого лектора.

О чем говорить? Это была полезная лекция...

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Медицинское учреждение для санаторного лечения без отрыва от производства. 9. Инструмент для изготовления изделий. 11. Порт в Италии. 12. Всесоюзное студенческое спортивное общество. 13. Раздел медицины. 16. Биологический катализатор, регулирующий обмен веществ в организме. 19. Ночная бабочка. 20. Человек, удостоенный особой премии за выдающиеся заслуги. 21. Овощная культура. 22. Выход исполнителей в балете. 24. Научное сочинение. 26. Инструмент для черчения. 28. Наука о разнообразии организмов. 32. Советский историк, академик. 33. Русская мера длины. 34. Способность быстро направлять ход действия.

По вертикали: 1. Приток реки Лены. 2. Артист балета, народный артист СССР. 3. Результат решения математической задачи. 5. Параллелограмм. 6. Приток Урала. 7. Поэтическое произведение. 8. Действующее лицо пьесы М. Горького «Варвары». 10. Туризм. 11. Выращивание растений без почвы. 13. Минерал, соль. 14. Фруктовое дерево. 15. Радиоактивный химический элемент. 16. Светильник на рукоятке. 17. Озеро в Красноярском крае. 18. Город на западе Индии. 23. Минерал, драгоценный камень. 25. Струнный музыкальный инструмент, распространенный в Азии. 27. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 28. Наклонная площадка для спуска судов со стапеля. 29. Татарский поэт, публицист, основоположник современного литературного татарского языка. 30. Мера веса. 31. Трудящийся-скотовод в Монгольской Народной Республике.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 1. «Прогноз». 7. Прокламация. 10. Экспериментатор. 13. «Сампо». 16. Спурт. 18. Максимова. 20. Аварец. 21. Страда. 22. Александра. 23. Директриса. 25. Косьва. 26. «Илиада». 27. Менделеев. 28. Лимон. 29. Индия. 34. Старшеклассница. 35. Конденсация. 36. Грейфер.

По вертикали: 2. Рекорд. 3. Грамматика. 4. Олайне. 5. Крепь. 6. Вираж. 8. Экспрессивность. 9. Воспитательница. 11. Кабалевский. 12. Организация. 14. Вальдшнеп. 15. Авторитет. 17. Казарка. 19. Каравай. 24. Дневальный. 30. Орион. 31. Тендер. 32. Остаде. 33. Инжир.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Брестская крепость. Сорок пять лет назад ее защитники приняли на себя первые удары фашистской Германии.

Фото М. САВИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На ВДНХ СССР. Интерьеры квартир массового строительства. (См. в номере материал «Современный интерьер»).

Фото Д. ДЕБАБОВА

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 02. 06.86. Подписано к печати 18.06.86. А 01988. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1387. Заказ № 2870.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

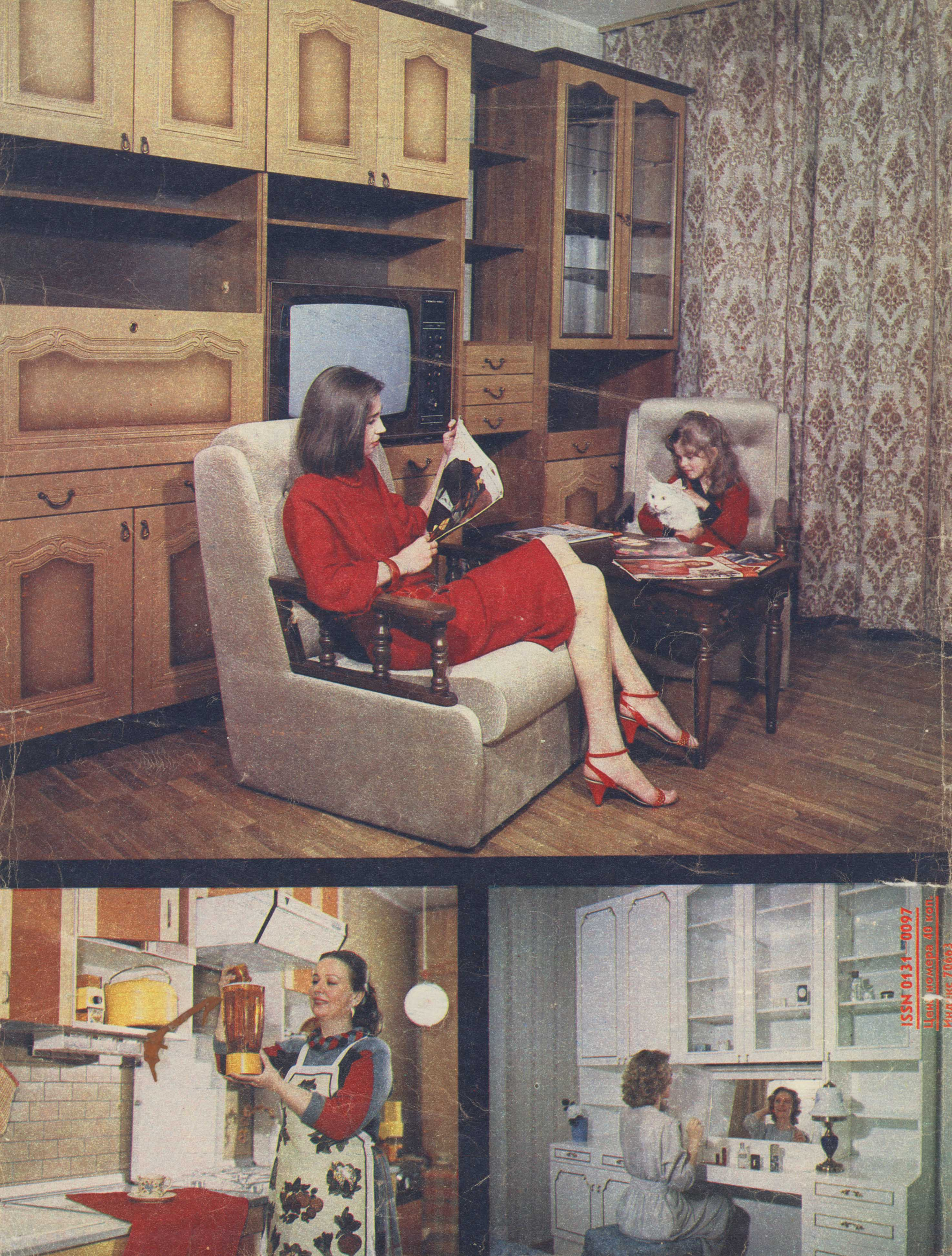
Фото А. БОЧИНИНА

И Ю Н Ь ...

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663